

ВЕТЕРИНАР ДЛЯ ДРАКОНОВ

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский

Ветеринар для драконов

<https://litres.ru/74316784>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ветеринар Михаил Лавров попадает в Астэр — город над жар-жилами, где разумных драконов лечат по родовой Табели, а признание ошибки опаснее самой болезни. Его знания полезны, но местная анатомия не прощает самоуверенности: каждую земную догадку приходится проверять заново.

Когда у драконов разных родов начинаются одинаковые тепловые срывы, Михаил связывает болезнь не с заразой, а с системой, которая веками согревала город. Чтобы спасти пациентов и не заморозить нижние кварталы, ему предстоит спорить с Палатой, пережить собственную врачебную ошибку и научиться главному: умение лечить ещё не даёт права решать за другого.

«Ветеринар для драконов» — самостоятельное приключенческое фэнтези о компетентности без всеисилия, разумных пациентах, цене городского прогресса и команде, которая превращает ошибки в общую практику.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Пациент, который говорит	6
Глава 2. Табель пород	23
Глава 3. Медный голод	41
Глава 4. Аптека несовместимых	57
Глава 5. Грифон не лжёт	72
Глава 6. Семь дней	87
Глава 7. Ночная приёмная	99
Глава 8. Высокая кровь	112
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Андрей Северский

Ветеринар для драконов

От автора

Эта книга выросла из простого вопроса: что произойдёт, если человек с практической профессией попадёт в мир, где чудеса привычны, а привычка проверять собственную правоту — нет?

Михаил Лавров не становится магом и не получает готовых ответов. Он умеет наблюдать, сравнивать признаки, задавать неудобные вопросы и признавать ошибку до того, как она превратится в традицию. В мире разумных мифических существ этого достаточно, чтобы быть полезным, но недостаточно, чтобы иметь право решать за пациента. Поэтому каждое лечение здесь одновременно остаётся профессиональной задачей и становится договором о границах помощи.

Ветеринарные случаи, анатомия существ, препараты и устройство магической биологии полностью вымышлены. Они служат сюжету и не являются рекомендациями для лечения реальных животных. Если помощь нужна настоящему питомцу, её должен оказывать квалифицированный ветеринар после очного осмотра.

Перед вами приключенческое фэнтези о компетентности

без непогрешимости, социальном росте без подаренного титула и доверии, которое приходится подтверждать заново. История первой книги завершена, хотя клиника невозможных видов только открывает двери.

Глава 1. Пациент, который говорит

Первым Михаил услышал треск.

Не гром, не ломающуюся балку — короткий сухой звук, каким в операционной иногда отзывался пластиковый фиксатор, когда на него приходилась нагрузка не под тем углом. Потом сверху ударило горячим ветром. Михаил успел прикрыть лицо локтем, оступился и сел прямо на камни.

Камни были тёплыми.

Ещё секунду назад под подошвами был мокрый асфальт двора круглосуточной клиники, в правой руке — ручка переноски с сонным мейн-куном, а за спиной ругался водитель, перегородивший въезд. Теперь ладонь скользнула по чёрной плите, исчерченной золотистыми прожилками. Переноски не было. Не было ни клиники, ни дождя, ни белого света над дверью.

Над Михаилом падал дракон.

Он падал не красиво. Одно крыло билось, собирая воздух широкими медными пластинами, второе было прижато к боку и дёргалось лишь на концах. Хвост съёс с крыши ряд глиняных труб. Внизу, на площади, люди сначала замерли, затем бросились кто к аркам, кто к стенам. Кто-то опрокинул тележку с зеленью. Кто-то, наоборот, поднял руки, словно мог поймать несколько тонн живого металла.

Михаил вскочил.

— С дороги! Под стену! Не стойте по ходу падения!

Он не знал, поняли ли его. Но приказной тон оказался международным: ближайшие люди шарахнулись от середины площади. Дракон задел когтями каменный парапет, развернулся в воздухе и рухнул на бок. Плиты под ним дрогнули. Из щелей выстрелила пыль, а Михаила толкнуло в грудь волной сухого жара.

Дракон проскользил до фонтана и остановился, подмывая лоток с пустыми корзинами. Он был размером с городской автобус — если автобус умел дышать, скалить зубы длиной с ладонь и смотреть на окружающих янтарным глазом, в котором боль не оставляла места величию.

Михаил заставил себя не бежать сразу.

Сначала безопасность. Животное в боли опасно. Незнакомое животное — вдвойне. Разумное или нет, ядовитое или огнедышащее, с какой зоной удара хвоста — ничего неизвестно. Он оглядел площадь. Пожара не было. Под драконом никто не лежал. Люди у арок кричали, но не приближались.

Сам дракон пытался подняться.

Здоровое на вид крыло раскрылось и заскребло по мостовой. Прижатое осталось у бока. Плечо — если здешняя анатомия хотя бы отдалённо подчинялась знакомой механике — ходило рывками. Дыхание было частым. Между чешуйками на шее пробегало оранжевое свечение.

— Не вставай, — сказал Михаил, понимая всю нелепость. — Лежи. Ещё раз ударишься.

Янтарный глаз повернулся к нему.

— Сам вижу, что не взлетается.

Голос был низким, молодым и раздражённым. Он шёл не столько из пасти, сколько отдавался в камне под ногами.

Михаил застыл.

За пятнадцать лет практики пациенты говорили с ним глазами, хвостом, дыханием, попыткой спрятаться под стол. Владельцы говорили за них — часто слишком много и не о том. Но ни один пациент ещё не произносил человеческих слов.

Дракон прищурился.

— Ты лекарь или ещё один любитель поглазеть?

— Ветеринар.

— Это ругательство?

— Профессия.

Ответ прозвучал увереннее, чем Михаил себя чувствовал. Он медленно показал пустые ладони.

— Я могу подойти?

— Если умеешь не наступать на перепонку.

Михаил сделал два шага и остановился за пределами досягаемости головы. От дракона пахло нагретой медью, мокрой золой и чем-то резким, минеральным. На ремнях между шейными гребнями висели кожаные почтовые сумки. Несколько застёжек лопнули при падении, и по площади разлетелись плотные серые конверты.

— Как тебя зовут?

— Тирр, скорый гонец третьего круга. Пока ещё скорый.
— Дракон попытался пошевелить больным крылом и втянул воздух сквозь зубы. — Правое. В корне. Ветер толкнул, и его будто завязало.

— Удар был до падения или после?

— До. Поэтому и упал.

Хорошо. Пациент отвечает сам. История события уже становилась яснее, но Михаил не успел задать следующий вопрос.

Из арки выбежали шестеро в серых длинных куртках. Двое несли жерди с ременными петлями, ещё двое — сложную раму из дерева и бронзы. Впереди шёл широкоплечий мужчина с белой полосой на воротнике. Он ткнул пальцем в Михаила.

— Отойти от казённого гонца! Палата принимает попечение.

— У него травма крыла, — сказал Михаил. — Сначала не давайте ему вставать.

— Потому и вправим немедленно.

Люди уже раскладывали раму. Один потянулся к концу больного крыла, второй перебросил петлю через предплечье. Тирр рыкнул. По шее вспыхнули оранжевые полосы, и толпа под арками отступила ещё на шаг.

— Стойте, — сказал Михаил.

Белый воротник даже не посмотрел на него.

— Держать голову. По Табели медных: вытяжение до тре-

тьего щелчка, затем закрепить крыло в полном размахе.

Третий щелчок.

Михаил снова слышал звук падения. Если это был сустав или кость, слепая тракция могла закончить начатое. Если кость была цела — создать травму, которой пока не существовало.

Он шагнул между рамой и крылом.

— Не тяните.

Человек с белым воротником наконец удостоил его взглядом.

— Ты кто такой?

— Михаил Лавров. Врач животных.

— Перед тобой не животное.

— Передо мной пациент. И он не согласился на процедуру.

На площади вдруг стало тише. Даже Тирр перестал рычать.

Белый воротник побледнел не от страха — от оскорбления установленного порядка.

— Гонцы третьего круга находятся под попечением Палаты при повреждении несущих конечностей. Согласие предусмотрено Табелью.

— Моё? — спросил Тирр.

— Рода и службы, — отрезал распорядитель.

— Род сейчас в двух днях лёта. Служба будет рада получить меня с двумя сломанными крыльями вместо одного це-

лого.

— Не двигайся, — сказал Михаил, не сводя глаз с работников. — Я пока не знаю, что с крылом. Именно поэтому его нельзя тянуть.

— А что можно? — спросил Тирр.

Это был правильный вопрос. И опасный. Михаил посмотрел на непривычное тело, на двойной ряд пластин вдоль груди, на свет, пульсирующий под чешуёй. Он не имел права притворяться, будто знает драконью анатомию. Но мог начать с того, что знал всегда.

— Осмотреть. Сравнить оба крыла. Проверить, где боль, движение, чувствительность и тепло. Ничего не вправлять, пока не поймём, что именно вышло из нормы.

— И ты это умеешь?

— На драконах — нет. На крылатых существах твоего размера — тоже нет. Я могу ошибиться. Но тянуть до трёх щелчков, не зная причины, опаснее.

Тирр шумно выдохнул. Между зубами мелькнула искра и погасла.

— Осматривай. Трогать разрешаю. Тянуть — нет.

— Пациент в жаровом смятении не уполномочен отменять Табель, — заявил распорядитель.

— Тогда хотя бы запишите, что он отказался, — сказал Михаил. — Если вы всё равно намерены делать процедуру, назовите ему риск и основание.

На слове «запишите» двое работников отвели глаза. Бе-

лый воротник сжал губы.

— Три минуты, — сказал он. — Когда убедишься в очевидном, мы закончим работу.

Михаил кивнул, словно получил нормальное диагностическое окно, а не отсрочку перед возможной катастрофой.

Он подошёл к здоровому крылу. Тирр лежал на левом боку, поэтому левое крыло оказалось прижато к земле, правое — больное — подтянуто к туловищу. Значит, «здоровое» следовало оценивать осторожно и в доступных местах.

— Где больнее всего? Покажи носом, не крылом.

Тирр коснулся кончиком морды углубления за правой передней конечностью, там, где перепонка сходилась с боком.

— Сейчас боль постоянная?

— Волнами. Сжимает, отпускает. Когда отпускает, жжёт.

— Онемение? Не чувствуешь концы пальцев?

— Чувствую каждый камень, который в них впился.

Михаил попросил по очереди пошевелить когтями крыла. Пять длинных лучей дрогнули. Движение было ограничено, но сохранилось во всех. Явной деформации он не видел. Перепонка у основания собралась складками, будто её стянуло невидимой рукой.

Он поднёс ладонь сначала к левому боку, затем к правому, не касаясь. Справа жар был сильнее. Не просто тепло крупного тела: воздух над чешуёй колебался. Оранжевое свечение поднималось от груди к плечевому поясу и обрывалось у спазмированного участка.

— У вас всегда светится шея? — спросил Михаил.

— Когда жар идёт к пасти.

— Перед падением ты дышал огнём?

— Подогревал восходящий поток у Северной стены.

Обычный манёвр.

— Сколько раз?

— Четыре.

— Обычно?

— Два. Сегодня встречный ветер.

Михаил оглянулся на распорядителя.

— Что происходит с мышцами крыла после сильного расхода... жара?

— Медный гонец не расходует жар до смятения на штатном маршруте.

Это было не объяснение, а правило, притворившееся фактом.

— А если расходует?

— Тогда виновата дисциплина дыхания.

Михаил вернулся к Тирру.

— Перед тем как крыло «завязало», были дрожь, слабость, изменение вкуса?

Тирр помолчал.

— Во рту стало как от старой монеты. И левую лапу свело, но отпустило.

— Ты ел сегодня?

— Я не птенец.

— Это не ответ.

Дракон раздражённо скребнул когтем.

— Каменную кашу утром. Половину порции. Опаздывал.

Михаил опустился на колено рядом с основанием крыла.

Касаться сразу самой горячей точки не стал. Положил тыльную сторону пальцев на соседнюю чешую — коротко, следя за реакцией. Тирр вздрогнул, но не отдёргнулся.

Под пластинами что-то сокращалось быстрыми тугими волнами. Не хруст, не патологическая подвижность. Мышечный пучок — или драконий орган, выполняющий похожую работу, — циклически каменел и отпускал. При настоящем переломе боль могла вызвать защитный спазм, но история началась в воздухе без столкновения. И сохранившееся движение лучей не доказывало целость, однако делало слепое вправление ещё менее оправданным.

— Мне нужно сравнить с другой стороной, — сказал он.

— Не переворачиваясь. Могу просунуть руку под левое основание крыла?

— Можешь. Если застрянешь, сам виноват.

Слева ткань была плотной, но ровной и заметно прохладнее. Справа сокращения шли в ритме оранжевых вспышек.

— Это не похоже на вывих, — сказал Михаил. — И пока ничто не показывает перелом. Похоже на сильный спазм, связанный с перегревом или расходом того, что обеспечивает работу крыла. Вытяжение сейчас добавит повреждение.

Распорядитель хмыкнул.

— Похоже. Ничто не показывает. Так говорят уличные гадалки. Табель составлена после трёх веков попечения.

— Тогда в ней должна быть проверка перед вправлением.

— Положение крыла и есть проверка.

— Нет. Это вывод.

Тирр поднял голову.

— Как остановить спазм?

Вот здесь начиналась граница. В своей клинике Михаил потребовал бы анализы, визуализацию, контролировал бы температуру и показатели крови. Здесь у него не было даже часов. Воду, охлаждение или соль нельзя назначать существу, чья физиология завязана на огонь и минералы. Земная уверенность могла оказаться не лучше Табели.

— Не знаю, чем его лечат у вас, — честно сказал он. — Сначала уберём нагрузку и не дадим тебе снова тратить жар. Крыло поддержим в том положении, которое ты сам выбираешь как наименее болезненное. Потом нужен тот, кто знает обмен веществ драконов и умеет измерять, а не угадывать.

— Кира, — негромко сказал один из работников с ремнями.

Распорядитель резко повернулся к нему.

— Аптекари не ведут пациентов Палаты.

— Значит, пусть ваш специалист назовёт безопасный способ снять тепловой спазм, — сказал Михаил. — Но раму уберите.

— Три минуты прошли.

Двое взялись за жерди. Михаил почувствовал, как внутри поднимается знакомое холодное упрямство — то самое, из-за которого владельцы иногда называли его грубым, а коллеги отправляли разговаривать с теми, кто хотел «просто укол, чтоб до утра». Только сейчас перед ним были не растерянные владельцы, а люди, уверенные в праве связать говорящего пациента.

Он встал перед больным крылом.

— Тирр, повтори им свой выбор.

Янтарный глаз сузился.

— Я согласился на осмотр Михаила Лаврова. На вытяжение не согласен. Если кто-нибудь дёрнет крыло, я укушу — предварительно и прозрачно.

В толпе кто-то нервно рассмеялся.

Распорядитель поднял ладонь, останавливая работников. Михаил на миг решил, что слова подействовали. Затем из той же арки вышла женщина в тёмно-синем плаще.

Она шла без спешки, но люди расступались перед ней быстрее, чем перед рамой. На серебряной застёжке плаща был выбит знак: три чешуи над раскрытым глазом. Волосы собраны так туго, будто ни одна прядь не имела права на собственное решение.

Женщина осмотрела площадь, разбитый лоток, Тирра, раму и только после этого Михаила.

— Инспектор Аэла Рунн, Палата чешуйчатого попечения. Кто отменил процедуру?

— Я, — сказал Тирр.

— Кто ей помешал?

— Я, — сказал Михаил.

Аэла подошла ближе. Её взгляд задержался на его куртке с эмблемой земной клиники, на пластиковом бейдже, на обуви, испачканной пылью лишь с одной стороны. Она замечала несоответствия. Это Михаилу понравилось бы при других обстоятельствах.

— Назовите школу и право практики.

— Московская государственная академия ветеринарной медицины. Право практики здесь подтвердить не могу. Я здесь... — Он посмотрел на площадь, на башни, соединённые мостами, на медленную тень другого дракона в дымном небе. — Недавно.

— Насколько недавно?

— Минут десять.

Уголок её рта дрогнул, но не вверх.

— И за десять минут вы отменили протокол, которому триста двенадцать лет.

— Я остановил действие, которое могло повредить пациенту. Протокол я ещё не читал.

— Смело.

— Нет. Страшно. Особенно когда пациент говорит, что не согласен, а все делают вид, будто не слышат.

По шее Тирра снова прошла яркая волна. Он застонал и прижал подбородок к камню. Правое крыло дёрнулось. Ра-

ботники попятились, ожидая огня.

— Не дыши глубоко, — сказал Михаил. — Коротко и спокойно. Не пытайся расправить.

— У драконов дыхание не успокаивают словами, — заметила Аэла.

— Тогда предложите другое, но быстро.

Она присела с противоположной стороны, не касаясь Тирра, и провела двумя пальцами над светящейся полосой. Воздух между пальцами задрожал. Аэла сразу отняла руку.

— Где началось?

— Над Северной стеной, после четвёртого разогрева потока, — ответил Тирр. — Сначала свело левую переднюю лапу.

Аэла взглянула на Михаила.

— Вы это выяснили?

— Он рассказал.

Она не стала спорить. Поднялась и приказала:

— Раму убрать. Принести мягкие валики, чёрный войлок и чашу с остывшей жилой. За Кирой Шов послать бегуна. Тирру не давать менять размер и не требовать дыхания до осмотра.

Распорядитель с белым воротником открыл рот.

— Инспектор, по Табели...

— По Табели вытяжение назначается при смещении плечевого венца. Смещение не подтверждено. Если вы нашли его без сравнительного осмотра, внесите признак в протокол

под своим именем.

Распорядитель закрыл рот.

Люди быстро разобрали раму. Вместо неё принесли свёрнутые полосы толстого войлока. Михаил вместе с двумя работниками подложил их под крыло, каждый раз спрашивая Тирра, не усилилась ли боль. Когда край крыла оказался подержан и перестал тянуть основание собственным весом, сокращения стали реже.

Аэла заметила это тоже.

— Вы назвали состояние тепловым спазмом, — сказала она. — Что именно спазмировано?

— Не знаю местного названия. Ткань под задним краем плечевого сочленения сокращается волнами. Справа горячее, чем слева. Движение пальцев сохранено. Травмы до приступа не было. Началось после повторной тепловой нагрузки, с металлическим вкусом и судорогой другой конечности.

— А перелом?

— Не исключён. После падения он возможен. Я сказал, что первичная причина на него не похожа. Нужна проверка.

— Чем?

— У вас есть способы увидеть кость?

— Есть способы услышать разрыв теплового рисунка.

— Тогда ими.

Аэла смотрела на него долго, как на задачу, которую не просили, но уже нельзя было выбросить из расчёта.

Принесли широкую чашу. В ней лежали тёмные камни, покрытые инеем. Тирр отвернул голову.

— Ненавижу остывшую жилу.

— Я тоже не в восторге от некоторых лекарств, — сказал Михаил. — Что она делает?

— Отводит лишний жар через дыхание, если не заставлять поток, — ответила Аэла. — Безопасна для медных при сохранённом сознании.

Она поставила чашу в стороне от морды, чтобы холодный пар лишь смешивался с воздухом. Оранжевые полосы на шее Тирра побледнели. Через несколько минут сокращения под крылом замедлились. Боль не исчезла, но дракон перестал скрести когтями камень.

— Уже не завязано, — пробормотал он. — Просто тянет.

— Не проверяй размах, — одновременно сказали Михаил и Аэла.

Тирр прикрыл глаз.

— Вот теперь я действительно болен. У меня два лекаря.

В толпе засмеялись громче. Напряжение на площади ослабло. Люди начали собирать рассыпанные письма, не приближаясь к хвосту. Кто-то поднял разбитые корзины. Мир, невозможный несколько минут назад, уже обрастал бытовыми подробностями.

Михаил посмотрел на свои руки. Они дрожали. Не от страха перед драконом — тот пришёл позже, когда непосредственное действие закончилось. В кармане остались телефон

без сигнала, связка ключей и две перчатки. Ни документов, которые здесь признают, ни денег, ни объяснения, как вернуться.

— Тирра перенесут в Палату на поддерживающих носилках, — сказала Аэла. — Кира проведёт минеральную пробу. Крыло проверят на разрыв рисунка до любых манипуляций.

— Хорошо.

— Это не благодарность.

— А похоже на правильный следующий шаг.

Аэла повернулась к двум служителям.

— Михаила Лаврова доставить отдельно.

— Куда? — спросил он.

— В Палату.

— Для проверки права практики?

— Для начала — личности, происхождения и способа проникновения в закрытый город. Затем обсудим незаконное вмешательство, оскорбление служителя и побуждение казнённого гонца к укусу.

— Я сам придумал про укус, — не открывая глаз, сказал Тирр.

— Это будет записано.

На запястьях Михаила сомкнулась мягкая на вид лента. Она сразу затвердела, будто стала частью камня. Он дёрнул рукой — безрезультатно.

С края площади донёсся звон. Золотистые прожилки в плитах вспыхнули одна за другой, и далеко под городом про-

катился гул огромной печи. Драконы на башнях одновременно повернули головы к северу.

Аэла заметила его взгляд.

— Жар-жилы, — сказала она. — На них стоит Астэр.

Михаил посмотрел на Тирра, у которого под медной чешуёй ещё тлело болезненное оранжевое свечение.

Если город стоял на том же огне, который только что свёл судорогой крыло гонца, падение могло быть не случайностью и не отдельным диагнозом.

Но спросить он не успел. Лента потянула его к арке, а за спиной распорядитель уже диктовал писцу первую строку протокола:

— Известный лекарь. Без школы, рода и разрешения. Задержан при пациенте.

Глава 2. Табель пород

Палата чешуйчатого попечения пахла нагретым камнем, мокрой шерстью и чем-то аптечным, горьким, от чего Михаилу вспомнился процедурный кабинет после ночной смены. Сходство заканчивалось у дверей. Одни здесь были человеческого роста, другие поднимались до потолка, а третьи начинались на уровне плеч и уходили вверх, к галереям, по которым мог пройти дракон.

Лента на запястьях снова стала мягкой только в комнате без окон. Служитель снял её, отступил за порог и закрыл каменную створку. Михаил остался один перед столом, тремя стульями разной высоты и стеной, расписанной рядами цветных силуэтов.

Силуэты были похожи на анатомические таблицы, если бы анатомию составлял геральдист. Медные, серебряные, чёрные и синие драконы стояли в строгих колонках. Под каждым тянулись строки знаков. У некоторых рядом были изображены чаша, клещи или перевязь; возле двух — перечёркнутый нож.

Михаил подошёл ближе. Изображения различались не только цветом. Длина шеи, число гребней, форма крыла, строение лап — всё это могло иметь смысл. Но фигуры были расставлены сверху вниз, и чем ниже находился дракон, тем проще становились нарисованные рядом инструменты.

Вошла Аэла. Теперь без плаща, в серой рабочей куртке с застёжками на левом боку. Она положила на стол его телефон, ключи и пластиковый бейдж.

— Эти вещи не содержат известного заклѣтия, — сказала она. — Но и назначение их не установлено.

— Телефон разрядится через день. Сейчас от него всё равно мало пользы.

— Он назвался телефоном, когда писарь коснулся боковой кнопки.

— Бывает.

Аэла не села.

— Имя?

— Михаил Сергеевич Лавров.

— Вы уже называли первое и последнее. Зачем вставили третье?

— Имя отца. У нас так принято в официальном разговоре.

— Родовое право передаётся от отца?

— Нет. То есть когда-то фамилия обычно передавалась, но врачебное право — точно нет. Я учился, сдавал экзамены и получил диплом.

— Которого при вас нет.

— Который вы не сможете проверить, даже если он окажется в моём рюкзаке.

— Рюкзак тоже не найден.

Аэла разложила вещи в линию, будто они могли дать более последовательные ответы, чем владелец.

— Как вы прошли Северную стену?

— Не проходил. Я вышел из двери клиники и оказался на вашей площади.

— Дверь перенесла вас между мирами.

— Я не говорил «между мирами». Я сказал только то, что видел.

Она впервые чуть заметно кивнула.

— Хорошая привычка. Редкая среди людей, заявляющих о невозможном.

— Я ничего не заявляю о причине. Но если у вас есть Москва, автомобили, спутники связи и ветеринарные академии, то вы очень тщательно их прячете.

— У нас есть три Москвы в старых дорожных перечнях. Все — деревни рудокопов. Ни одна не обучает врачей.

Михаил опустился на обычный человеческий стул. После площади ноги наконец напомнили, что последние часы он провёл на смене, а потом бежал к упавшему дракону.

— Что с Тирром?

— Жив. Разрыва теплового рисунка нет. Кира взяла минеральную пробу.

— Значит, перелома не нашли?

— Я сказала: разрыва рисунка нет. Вы снова торопитесь перевести незнакомое наблюдение в знакомый вывод.

Он принял укол, потому что заслужил его.

— Справедливо. Само падение могло повредить кость иначе. Как он сейчас?

— Боль уменьшилась. Крыло фиксировано в выбранном им положении. Ваша осторожность оказалась полезной.

— Это прозвучало почти как благодарность.

— Это прозвучало как запись результата.

Аэла села напротив. Между ними осталась стена из его бесполезных вещей.

— Теперь о вреде. Вы вмешались без права практики, не зная анатомии вида, свойств жилы и правил Палаты. Если бы Тирр потерял сознание рядом с чашей, отвод жара мог остановить дыхательную железу. Если бы он изменил размер, поддерживающие валики стали бы удавкой для крыла. Вы не знали ни того, ни другого.

— Поэтому чашу поставили вы. И вы запретили менять размер.

— После того как вы уже назвали состояние и потребовали лечения.

— Я потребовал остановить вытяжение. Это было решение о риске, а не окончательный диагноз.

— Для толпы на площади разницы нет. Они слышали: чужак увидел то, чего не увидела Палата.

— А ваши люди действительно не увидели.

— Распорядитель не лекарь. Он применил строку Табели, обязательную для скорого гонца с опущенным крылом после падения.

Аэла указала на стену.

— Табель не сборник суеверий. Триста двенадцать лет на-

зад лечение драконов было привилегией родов. Серебряного могли лечить неделю, медному вправляли сустав у ворот, бескрылого оставляли умирать. Единый порядок прекратил это.

Михаил снова посмотрел на колонны силуэтов.

— Тогда почему они расположены по цветам и рангам, а не по признакам болезни?

— Потому что устройство тела зависит от породы.

— И процедура зависит только от устройства тела?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Аэла встала и собрала его вещи.

— Допрос окончен.

— Что дальше?

— Проверка.

— Какая?

— Вы назвали себя лекарем. Палата проверит самое простое: умеете ли вы смотреть на пациента до того, как решите, что уже знаете ответ.

*

Грифон лежал в низком стойле, отделённом от коридора решёткой из чёрного дерева. Передняя половина тела напоминала огромную хищную птицу: тёмный клюв, золотые глаза, перья от серого до почти белого. Задняя была кошачьей, песочной, с длинным хвостом. На границе шерсти и перьев проходила влажная полоса, словно животное только наполо-

вину попало под дождь.

При появлении Аэлы грифон прижал ушные перья и щёлкнул клювом.

— Это Рох, — сказал мужчина у стены.

Он был широкоплеч, сутул и держал в руке деревянный скребок. Седая щетина покрывала подбородок так неравномерно, будто он вытирал лицо наждаком.

— Брам Кесс, смотритель, — представила его Аэла. — Роха доставили утром. Он отказывается от корма, не встаёт и угрожает служителям. Табель назначает успокаивающую узду и очищение желудка.

— Табель назначает это молодому горному грифону, — поправил Брам. — Рох старый и степной. Но инспектор решила устроить представление.

— Я решила отделить наблюдение от привычки.

Брам скользнул взглядом по Михайловой куртке.

— А это кто?

— Человек, который за десять минут в Астере исправил триста лет нашей работы.

— Я такого не говорил, — заметил Михаил.

— Поэтому вы ещё здесь.

У дальней стены стояли трое в синих передниках. Один держал узду с широкими ремнями, второй — глиняный сосуд с трубкой, третий — дощечку для записей.

Михаил остановился в нескольких шагах от решётки.

— Рох разумен?

Брам фыркнул.

— Достаточно, чтобы презирать незнакомцев. Недостаточно, чтобы жаловаться словами.

— Значит, согласие даёт смотритель?

— На обычные действия — я. На опасные — Палата. Но если он не хочет, спорить с ним приходится всему стойлу.

— Сначала я просто посмотрю. Без узды.

Аэла жестом остановила служителя.

Михаил присел у решётки боком, не глядя грифону прямо в глаза. Рох следил за ним, но не бросался. Дыхание было частым. Крылья прилегали несимметрично: левое чуть отставлено. Передние когти впились в подстилку. Задние лапы лежали свободнее, хотя правая время от времени вздрагивала.

В стойле стояли миска воды, нетронутая кучка сероватого мяса и ведро с густой зелёной массой. Подстилка вокруг груди была сбита, у выхода почти не тронута.

— Когда он в последний раз вставал?

— Ночью сам вошёл в стойло, — ответил Брам. — Утром уже не поднялся.

— Что было до этого?

— Вернулся с учебного круга. Работал чисто. На посадке ударил клювом мальчишку-конюха.

— Раньше бил?

— Если заслужат.

— Я спрашиваю не о справедливости.

Брам недовольно повёл плечом.

— Дважды за девять лет. Оба раза человек лез к ране.

— Вчера была рана?

— Не нашёл.

Михаил посмотрел на миски.

— Ел после полёта?

— Половину мяса. От зелени отказался.

— Что в ней?

— Желчная трава, толчёная скорлупа, соль. После нагрузок даём всем.

— Когда её меняли?

— Не меняли.

— Партию, поставщика, пропорции?

— Неделию назад пришёл новый мешок скорлупы. Остальное прежнее. Но другие едят.

Аэла не вмешивалась. Писарь царапал дощечку.

Михаил попросил принести мясо из вчерашней партии и поставить у решётки. Рох приоткрыл клюв, втянул воздух и отвернулся. На зелёную смесь он отреагировал сильнее: резко поднял голову, попытался отползти и тут же замер, прижав левое крыло.

— Уберите, — сказал Михаил.

Брам отнёс ведро в коридор. Рох перестал щёлкать клювом, но дыхание осталось частым.

— Вы решили, что корм ядовит, — сказала Аэла.

— Нет. Я увидел, что запах усиливает реакцию. Причины могут быть разными. Боль, тошнота, неприятная связь.

— Что ещё?

— Мне нужен осмотр. Но сначала хочу понять, где больно. Рох позволяет Брамю подходить?

— Обычно, — сказал смотритель. — Сегодня пытался достать клювом.

— Дайте мне длинную планку и что-нибудь мягкое на конец.

Брам сам обмотал скребок ветошью. Михаил показал, как провести им по решётке, не просовывая руку: сначала рядом с задней лапой, потом вдоль бока, не нажимая. Рох следил за движением. На касание бедра не ответил. Когда мягкий конец приблизился к левому плечу, грифон ударил клювом так быстро, что дерево треснуло.

— Левое крыло или область под ним, — сказал Михаил. — Возможно, травма. Возможно, боль отдаёт. Он не «угрожает служителям», а защищает участок.

— Это смотритель мог сказать без академии, — буркнул Брам.

— Мог. Почему не сказал?

Тот сжал обломок скребка.

— Потому что ему назначили очищение прежде, чем меня спросили, как он вошёл.

Служитель с уздой отвёл взгляд.

Аэла открыла решётку сама, но внутрь не вошла.

— Брам, можете удерживать его внимание без принуждения?

— Если этот лекарь не полезет под крыло.

— Этот лекарь сначала спросит вас, — сказал Михаил.

Они вошли вдвоём. Брам сел у головы и заговорил с Рохом низким ворчливым голосом — не ласково, а привычно, перечисляя названия ветров. Михаил не понял смысла, но заметил ритм: на каждом третьем слове смотритель щёлкал языком, и грифон медленно опускал клюв.

Осмотр начали с правой стороны. Михаил показывал Брамму каждое движение, позволяя грифону видеть руки. Перья были сухими, без крови и сломанных стержней. Правая грудная мышца казалась напряжённой от вынужденной позы. На левой стороне Рох беспокоился раньше, чем пальцы приблизились к суставу.

— Стоп, — сказал Михаил и отнял руку.

Под перьями возле основания крыла кожа едва заметно двигалась. Не пульсировала — словно по ней бежала мелкая рябь.

— У вас бывают наружные паразиты?

— У всего живого что-нибудь бывает, — ответил Брам.

— Но Роха чистят.

— Посветите сюда.

Один из служителей принёс стеклянный шар с белым сиянием. Михаил раздвинул два ряда перьев деревянной палочкой. В глубине мелькнула тонкая тёмная нить и исчезла в складке кожи.

Рох рванулся. Брам едва успел отвести голову от клюва.

Михаил отступил, подняв обе руки.

— Достаточно. Там что-то движется. Длинное, тонкое, уходит под перья. Сначала обезболивание или безопасное успокоение, потом удаление и осмотр всей зоны.

— Перьевой резак, — сказал Брам. — Чтоб его в золе варили.

— Вы уверены?

— Я их видел. Вгрызаются у тёплой кожи, когда молодёжь купают в общей пыли. Но здесь их не было семь лет.

Аэла повернулась к писарю.

— Записать: очищение желудка отменено. Уздой не пользоваться. Киру Шов вызвать для подбора успокоения степному грифону. Брам провести удаление при лекаре Палаты и сохранить паразита.

— При каком лекаре? — спросил Михаил.

— Пока не при вас.

Она подошла к Роху ближе и провела ладонью над его спиной. В воздухе проступили несколько бледных линий, похожих на свет от раскалённой проволоки.

— Тепловой рисунок неровный. Назовите состояние пациента.

Михаил снова оценил дыхание, позу, блеск глаз. Теперь, когда возбуждение немного спало, Рох тяжело положил голову на подстилку.

— Боль, стресс, вероятное воспаление в месте внедрения паразита. Нужно измерить температуру и сравнить с нормой

для вида.

Служитель подал Аэле плоскую медную пластинку с делениями. Она прижала её к голой коже под задней лапой. По металлу побежала красная полоса и остановилась возле отметки, похожей на сорок.

— Сорок, — прочитал Михаил. — Высокая. Значит, воспаление уже системное. Возможно заражение. Нужны изоляция, оценка кровообращения и...

Брам коротко рассмеялся.

Михаил замолчал.

— Что?

— У здорового степного после покоя сорок один с половиной, — сказал смотритель. — На зимнем ветру бывает сорок. Если ниже тридцати девяти — тогда я бегу за лекарем.

Михаил посмотрел на пластинку, словно числа могли перестроиться из уважения к его диплому.

— Почему шкала такая же?

— Шкала одна, тела разные, — ответила Аэла. — Вы потребовали сравнить с нормой и тут же не стали её спрашивать.

Жар ударил ему в лицо сильнее, чем от чаши рядом с Тирром.

— Да. Это моя ошибка.

— Вы объявили возможное заражение перед четырьмя служителями. Если бы Рох принадлежал полётному двору, по вашему слову закрыли бы учебные круги.

— Я сказал «возможно», но понимаю: в таком месте это уже запускает действия.

— Вы дважды за день остановили процедуру из-за недостатка признаков. А потом сделали тот же прыжок сами.

Михаил мог бы объяснить усталостью, отсутствием сна, невозможностью происходящего. Всё это было правдой и ничего не исправляло.

— Запишите рядом с моей находкой, — сказал он писарю. — Температуру истолковал по человеческой норме, норму степного грифона не запросил. Вывод о системном воспалении не подтверждён.

Писарь посмотрел на Аэлу. Та кивнула.

— И ещё, — продолжил Михаил. — Паразит может вызывать местное воспаление независимо от общей температуры. После удаления всё равно нужны осмотр повреждения и наблюдение. Но изоляцию на основании этого измерения я не назначал бы.

Брам перестал усмехаться.

— Вы всегда так охотно диктуете свои промахи?

— Нет. Иногда сначала минут двадцать злюсь.

— А сейчас?

— Сейчас тоже злюсь.

Рох приоткрыл золотой глаз и тихо щёлкнул клювом. Брам ответил тем же звуком.

— Говорит, ты шумный, но обучаемый, — перевёл он.

— Он этого не говорил.

— Разумеется. Он сказал только первое.

*

Аэла отвела Михаила на верхнюю галерею. Отсюда был виден центральный зал Палаты: круглые площадки для драконов, узкие проходы для людей, подъёмники с ременными настилами. По полу тянулись светящиеся жилки. У каждой площадки висела своя цветная табличка.

— Вы нашли то, что пропустил первичный осмотр, — сказала она. — И признали ошибку до того, как она стала приказом.

— Поэтому меня отпускают?

— Нет. Происхождение не установлено. Права практики нет. Денег, поручителя и места проживания тоже нет.

— Отличный итог экзамена.

— Это не экзамен. Экзамены сдают тем, кто имеет право учиться.

Она подала ему лист плотной серой бумаги. На нём проступили семь пустых квадратов и знак Палаты.

— Ограничение на семь дней. Вы можете наблюдать пациентов в пределах Палаты, задавать вопросы, проводить бесконтактный осмотр и предлагать проверяемые версии. Касаться пациента — только с его согласием и в присутствии назначенного лекаря или смотрителя. Назначать вещества, тепло, холод, заклятия и изменение размера запрещено. Все выводы записываются вместе с основаниями и альтернативами.

— А после семи дней?

— Совет решит, выдворить вас, заключить или допустить к испытанию.

— Куда выдворить, если вы не знаете, откуда я пришёл?

— Именно поэтому заключение пока проще.

Михаил перевернул лист. На обороте была строка мелких знаков.

— Что я подписываю?

— Ничего. Вы не читаете на общем письме. Это моя ответственность.

— Тогда почему вы это делаете?

Внизу открылись двери. Служители везли Тирра на широком настиле. Медный дракон был уменьшен до размеров лошади; большое крыло поддерживала сложная перевязь. Рядом шла невысокая девушка с растрёпанной косой и ящиком пробирок. Она спорила с распорядителем, размахивая мешочком серого порошка.

— Потому что Тирр не сломал крыло, — ответила Аэла.

— И потому что Роха собирались лечить с другого конца.

— Это аргументы за изменение первичного осмотра. Не за меня.

— Верно. За вас есть один аргумент: после удачи на площади вы решили, что уже понимаете чужое тело. Через час позволили факту опровергнуть вас вслух. Второе для Палаты полезнее первого.

Михаил посмотрел на семь квадратов.

— Мне нужен способ вернуться домой.

— Северная стена ведёт только за пределы Астэра. Но в Палате хранятся записи о переходах через жар-жилы. Доступ к ним даёт глава Палаты.

— Кто глава Палаты?

— Архонт Варгет Тарн. Он не любит невозможных людей, особенно тех, кто создаёт прецеденты.

— А вы?

— Я не люблю непроверяемые утверждения.

Она протянула ему тонкий угольный стержень.

— Поставьте знак, если принимаете ограничения добровольно. И прочтите их своими словами.

Михаил перечислил все пункты, добавив, что согласие пациента можно отозвать в любой момент. Аэла не поправила. Он поставил неровный крест в нижнем углу.

Первый квадрат на листе вспыхнул медным светом.

— Один день уже начался? — спросил Михаил.

— С момента вмешательства на площади.

— Очень по-вашему.

— Вы пока слишком мало знаете, чтобы понимать, что у нас «по-нашему».

Снизу донёсся голос Тирра:

— Михаил! Если ты заключён, потребуй камеру рядом с кухней!

Девушка с пробирками подняла голову и увидела их.

— Это он? — крикнула она Аэле. — Чужак, который

спросил, что было до судороги?

— Кира Шов, — тихо сказала Аэла. — Ваша первая назначенная надзирательница по веществам. Не соглашайтесь пробовать ничего, что она назовёт почти безопасным.

— Я слышу! — возмутилась Кира.

— На это и рассчитано.

Кира уже взбегала по лестнице, прижимая к груди ящик. За ней, тяжело ступая по настилу, двигался Тирр. Оранжевое свечение под его чешуёй стало слабее, но не исчезло.

— В пробе почти нет меди, — сказала Кира ещё до приветствия. — У медного дракона. Зато есть след от связующей глины, которой в корме гонцов быть не должно. Если это не ошибка чаши, у нас либо невозможный пациент, либо очень возможное воровство.

Аэла взяла пробирку, не касаясь пробки.

— Сколько проб?

— Одна.

— Значит, пока у нас одна проба.

Михаил невольно улыбнулся.

— Что? — спросила Кира.

— Ничего. Начинаю учить местную норму.

На другом конце зала служитель снимал со стены табличку медного цвета. Под ней обнаружилась тёмная полоса старого камня, будто знак висел там гораздо дольше, чем сама Палата хотела помнить.

Тирр проследил за взглядом Михаила.

— Завтра утром мне снова на маршрут, — сказал он.

— Нет, — одновременно ответили Аэла, Кира и Михаил. Дракон вздохнул, выпустив тонкую струйку дыма.

— Семь дней, — сказал он. — К концу недели либо вы меня вылечите, либо я вылечусь от врачей.

Михаил сложил серый лист и убрал во внутренний карман куртки. Семь дней ограниченной практики. Семь дней до решения человека-дракона, который мог знать дорогу домой. И уже один пациент, в организме которого отсутствовало то, что должно было определять саму его породу.

На стене за спиной Аэлы цветные силуэты стояли ровными рядами. Теперь Михаил видел в них не только знания, накопленные веками, но и ловушку: если название колонки становилось диагнозом, пациенту оставалось лишь правильно в неё поместиться.

Тирр, судя по пробе, помещаться не собирался.

Глава 3. Медный голод

К утру Михаил узнал три вещи. В Астере не существовало кофе, спать на лавке в комнате для младших служителей было не лучше, чем в ординаторской, а Кира Шов считала рассвет подходящим временем для забора крови.

Она поставила на стол две прозрачные трубки. В одной темнела вчерашняя проба Тирра, вторая была пустой.

— Первая могла соприкоснуться с чашей остывшей жилы, — сказала Кира. — Могла быть плохо промыта игла. Могла ошибиться я.

— Вы часто начинаете разговор с перечня собственных ошибок?

— Только когда рядом Аэла.

Инспектор стояла у двери и читала серый лист с ограничениями Михаила.

— Рядом со мной ошибки не исчезают от молчания, — сказала она.

Тирр занимал почти всю смотровую площадку. За ночь он снова увеличился, но не до настоящего размера: лежал, свернув хвост вдоль края, и раздражённо следил, как служители раскладывают ремни перевязи. Правое крыло было приподнято на войлочных валиках. Оранжевые вспышки под чешуёй возникали реже, однако при каждом глубоком вдохе пальцы крыла подрагивали.

— Я готов к полёту, — заявил он.

— Нет, — сказала Аэла.

— Я не у вас спрашивал.

— Нет, — повторил Михаил.

— Вы сговорились за ночь.

Кира подняла пустую трубку.

— Нам нужна повторная проба. Отдельно кровь, отдельно пыль с чешуи и соскоб связующей смеси с вашей дорожной пайки.

— Моей пайки здесь нет.

— Где она?

Тирр отвёл взгляд.

— В сумке на Северной башне.

— Вчера вы сказали, что ели каменную кашу утром, — напомнил Михаил. — Откуда?

— Из котла гонцов.

— После этого что-нибудь ели или пили?

— Воду. Остывшую жилу не считаю едой.

Кира уже подбирала иглу — длинную, стеклянную, с серебристой жилкой внутри. Михаил заставил себя не советовать. Его земной опыт здесь мог подсказать последовательность, но не место безопасного прокола.

— Куда берёте кровь?

— Из краевой вены крыла. В обычном размере она видна на просвет.

— Вчера крыло болело именно у основания. Есть другое

место?

— Подъязычная дуга, но Тирр кусается.

— Предварительно и прозрачно, — подтвердил дракон.

Кира показала ему обе иглы и объяснила, чем они отличаются. Тирр выбрал короткую для вены на хвосте, хотя предупредил, что там будет больнее. Аэла записала выбор. Михаил наблюдал, как Кира отступает при первом движении хвоста, ждёт, пока Тирр снова разрешит, и лишь затем вводит иглу между чешуями.

Кровь оказалась не красной, а тёмно-бурой, с золотистыми искрами. В трубке искры медленно осели на дно.

— Теперь контроль, — сказала Кира.

Она достала три чашки. В первую насыпала чистый медный песок, во вторую — порошок из обычной пайки Палаты, третью оставила пустой. В каждую добавила по капле крови. Над медью поднялось ровное зеленоватое свечение. Над пайкой свет мигнул и погас. Пустая чашка осталась тёмной.

— Это что измеряет? — спросил Михаил.

— Насколько кровь готова связывать металл.

— Количество меди в крови или потребность в ней?

Кира замерла с ложечкой.

— Обычно одно соответствует другому.

— Обычно — это у здоровых медных драконов? При воспалении, после тепловой нагрузки, после чаши с жилой тоже?

— Для этих условий отдельных рядов нет.

— Тогда тест говорит, что проба иначе реагирует на медь. Не почему.

Аэла подняла глаза от записи.

— Вчера вы были увереннее.

— Вчера я перепутал уверенность с нормой.

Кира недовольно постучала ложечкой по чашке, но достала ещё две пробы из шкафа. Одна принадлежала здоровому медному дракону после отдыха, другая — серебряному. В контрольной медной крови песок засветился слабо, но устойчиво; серебряная почернела по краям.

— У Тирра реакция сильнее контроля, — сказала она. — Значит, кровь действительно забирает медь.

— Или что-то в крови. Теперь бы сравнить вчерашнюю и сегодняшнюю пробу без чаши.

Вчерашняя дала почти такой же яркий свет. Кира выдохнула через нос.

— Ошибка чаши менее вероятна.

— И ошибка иглы, если иглы разные, — сказал Михаил. — Что связывает медь у драконов?

— Жар-кровь. Металл переносится к дыхательной железе и мышцам крыла. Без него пламя становится рваным, а после нагрузки сводит крупные пучки.

— Металлический вкус, судорога передней лапы, спазм крыла после четырёх разогревов, — перечислил Михаил. — Совпадает. Но откуда примесь глины?

Кира высыпала серый порошок из вчерашней чашки на

белую плитку. Под увеличительным стеклом в нём были видны плоские бежевые крупинки.

— Связующая глина удерживает дешёвую минеральную крошку в кормовых камнях. Для гонцов её не используют: она запирает часть металла до нижнего отдела желудка.

— Запирает навсегда или замедляет усвоение?

— Зависит от температуры пищеварительного огня.

— У Тирра после четырёх разогревов жара могло не хватить и на это.

— У меня хватило бы, — сказал Тирр.

— На полёт или на пищеварение?

Дракон приподнял голову, собираясь возразить, и не нашёл ответа.

Аэла велела принести дорожную сумку с Северной башни и опечатать котёл гонцов. До получения пайки она запретила Кире давать медь.

— Почему? — спросил Михаил. — Если дефицит вероятен, промедление оставляет риск новой судороги.

— Потому что избыток свободной меди обжигает дыхательную железу. Вы сами требовали не превращать версию в назначение.

— Тогда нужна минимальная проба переносимости, а не полная доза.

Кира посмотрела на него с интересом.

— Насколько минимальная?

— Я не знаю. Это ваш вид и ваше вещество.

— Наконец-то полезный ответ, — сказала Аэла.

Кира предложила медную росу: одну крупинку металла растворяли в полном кувшине воды из холодной жилы, затем давали пациенту один глоток и наблюдали тепловой рисунок. По Табели такую пробу проводили лишь серебряным и синим драконам перед церемониальными составами. Для медных считалось, что они переносят медь по определению.

— Вот это место мне особенно не нравится, — сказал Михаил. — Название породы подменяет проверку.

— А мне не нравится, что вы произносите очевидное так, будто нашли паразита, — отозвалась Кира. — Держите чашку. Назначать вам нельзя, а руки пока не запрещены.

— Контакт с веществом тоже под надзором, — напомнила Аэла.

— Вы надзираете.

Тирр выпил один глоток. Сначала ничего не произошло. Затем вдоль его шеи зажглись тонкие зелёные линии, вплетаясь в оранжевые. Кира считала удары хвоста по подстилке, Аэла следила за рисунком, Михаил — за дыханием и движениями крыла.

Через пять минут дрожь пальцев стала слабее.

— Боль? — спросил он.

— Тянет меньше. Во рту перестало звенеть.

— Не расправляй крыло.

— Вы удивительно однообразны.

— Это называется последовательность.

Кира дала второй глоток, уже по собственному протоколу. Тепловой рисунок не усилился. После третьего Тирр смог пошевелить крайними пальцами без судороги, но Михаил настоял, чтобы на этом остановились.

— Ему лучше, — сказала Кира. — Значит, лечим медью.

— Значит, малая проба переносится и совпала с улучшением. Лечение ещё нужно рассчитать.

— Вы собираетесь всю неделю говорить длиннее, чем требуется?

— После вчерашнего — да.

Дверь распахнулась. Вошёл мальчишка-служитель с кожаной сумкой гонца и свёрнутым мешком. За ним шагал распорядитель с белым воротником, тот самый, что на площади велел принести раму.

— Котёл опечатан без основания, — заявил он. — Утренний круг сорван. По чьему распоряжению?

— По моему, распорядитель Дорн, — ответила Аэла.

— Из-за одной пробы?

— Из-за пациента после падения и двух совпавших проб.

Дорн увидел Михаила с чашкой.

— Задержанный участвует в назначении?

— Нет, — сказала Аэла. — Он задаёт неудобные вопросы в пределах ограничения.

Сумку положили на стол. В боковом кармане нашёлся свёрток из промасленной ткани. Каменная каша высохла серыми комками. Кира раскрошила один над плиткой. Сре-

ди светлой крупы блеснули редкие медные точки, а бежевой глины оказалось больше, чем во вчерашнем порошке.

— Это не паёк третьего круга, — сказал Тирр.

Дорн поджал губы.

— С начала месяца состав унифицирован. Решение казначейства.

— Нас не уведомляли.

— На доске приказов висит лист.

— Гонцы возвращаются после закрытия канцелярии и вылетают до её открытия.

Аэла взяла мешок. На горловине стояла синяя печать городского склада.

— Что значит «унифицирован»?

— Одинаковая основа для всех служебных видов. Добавки выдаются по Табели.

Кира просеяла горсть через металлическую сетку.

— Здесь добавки меньше половины нормы медного гонца.

— Норма рассчитана для полной порции. Тирр признал, что съел половину.

— Потому что каша стала глиной на вкус, — сказал дракон. — Я решил, повар опять мстит за дым в кухне.

Михаил подвинул к себе мешок, не касаясь содержимого.

— Почему поменяли основу?

Дорн пожал плечами.

— Новая пошлина на цветные металлы. Казначейство не оплачивает их в корме, если вид способен получать добавку

отдельно.

— Когда ввели пошлину?

— Двенадцать дней назад.

— Когда поменяли паёк?

— Девять.

Михаил посмотрел на Тирра.

— Когда впервые появился металлический вкус после полёта?

Тот нахмурился.

— Неделю назад. После Южной дуги. Я решил, что над рынком плавил посуду.

— Судороги?

— Один раз свело хвост. Ненадолго.

— Другие гонцы жаловались?

— Мы не обсуждаем слабость перед маршрутом.

— Тогда обсудите после него.

Дорн постучал пальцем по печати.

— У вас один заболевший, который недоедал утверждённую порцию. Это нарушение дисциплины, не снабжения.

— У нас один обследованный, — сказал Михаил. — Это другое.

— У вас вообще нет права говорить «у нас».

— Верно. Тогда у Палаты один обследованный и несколько гонцов на том же рационе. Можно дожидаться следующего падения и получить вторую точку.

Аэла положила мешок рядом с пробирками.

— Дорн, список всех, кто получал унифицированный паёк девять дней. Отметить вид, круг службы, число пропущенных маршрутов и обращения в Палату.

— Это десятки работников.

— Поэтому начните сейчас.

— Архонт не одобрит остановку доставки из-за предположения чужака.

— Доставку не останавливать. До проверки снять с усиленных маршрутов всех медных, выдать старые добавки из резерва и провести опрос до вылета.

— Резерв учитывается на чрезвычайный холод.

— Падение гонца на рыночную площадь достаточно чрезвычайно.

Дорн поклонился настолько неглубоко, что жест стал формой несогласия, и вышел.

Тирр проводил его прищуренным взглядом.

— Если выяснится, что нас кормили дорожной замазкой, я всё-таки кого-нибудь укушу.

— После осмотра зубов, — сказала Кира. — Дефицит мог затронуть эмаль.

— Вот почему с аптекарями нельзя делиться планами.

*

К полудню в коридоре перед смотровой сидели шесть медных драконов, уменьшенных до размера крупных собак. В обычном виде они не поместились бы даже в центральном зале. Каждый держал на коленях лист опроса, но читать во-

просы мог только писарь, переходивший от одного к другому.

Михаил настоял, чтобы ответы собирали до объяснения предполагаемой причины. Иначе металлический вкус и судороги появились бы у всех — хотя бы из желания не выглядеть менее пострадавшими, чем Тирр.

Результат оказался не таким чистым, как хотелось. Двое не чувствовали ничего. Один жаловался на усталость, но работал ночами. У троих после смены возникали судороги, двое отмечали металлический привкус. Только один съедал полную порцию новой каши — самый молодой, недавно переведённый из учебного двора. Его проба была почти нормальной.

— Получается, виноваты сами, — сказал Дорн, вернувшийся со списками. — Кто ест положенное, тот здоров.

— Или полная порция частично компенсирует плохую доступность добавки, — возразила Кира. — Посмотрите на состав.

— Казначейство утвердило состав.

— Казначейство не пищеварительная железа.

Михаил разложил листы по числу усиленных разогревов. Симптомы группировались не только по съеденной порции: хуже было тем, кто чаще подогревал воздушные потоки.

— Рацион создаёт недостаток, нагрузка его проявляет, — сказал он. — Если заставить всех доедать кашу, часть риска останется. Нужны доступная форма меди и временное сни-

жение расхода жара.

— Городская почта не может снизить расход, — ответил Дорн.

— Тогда пусть городская почта выбирает, что ей дороже: лишний гонец на маршруте или ещё одно падение.

Аэла молча изучала таблицу. Михаил видел, что решение для неё не медицинское. Каждый снятый гонец означал задержанные приказы, договоры, новости с внешних застав. Табель, вероятно, и возникла из необходимости принимать такие решения быстро.

— На сорок восемь часов отменить принудительный разогрев потоков медными гонцами, — сказала она наконец. — Усиленные послания передать синим и наземной службе. Всем получавшим новый паёк — проба Киры и индивидуальная добавка после проверки переносимости. Котёл оставить опечатанным.

— Вы не можете изменить службу своим знаком, — сказал Дорн.

— Могу при угрозе множественного теплового срыва.

— У вас нет множественного срыва.

— Именно это я намерена сохранить.

Дорн ушёл во второй раз. На этот раз дверь закрылась так, что с потолка посыпалась каменная пыль.

Тирр получил рассчитанную Кирой порцию медной росы в четыре приёма. К вечеру оранжевые спазмы исчезли. Он поднялся сам, перенёс вес на обе передние лапы и медленно

раскрыл правое крыло до половины. Михаил стоял рядом, но не подсказывал: движение контролировали Аэла и Брам, которого вызвали помочь с поведением крупного пациента.

— Дальше не надо, — сказал Брам, едва край крыла задрожал.

Тирр сложил его без спора.

— Значит, завтра полечу обычным кругом.

— Через два дня повторный осмотр, — сказала Аэла. — Потом решение.

— Почтовая клятва требует...

— Почтовая клятва не требует падать на торговцев, — перебил Михаил.

Тирр повернул к нему голову.

— Моя служба не ваша клиника. Если гонец отказывается от маршрута из-за боли, его место занимает другой. После трёх отказов теряется круг.

Теперь Михаил понял, почему тот скрывал первую судорогу и металлический вкус. Не гордость — или не только она. Симптом имел цену ещё до диагноза.

— Тогда в протоколе должно быть записано, что тебя сняла Палата из-за изменения рациона, а не ты отказался.

Аэла посмотрела на него, затем на Тирра.

— Будет записано. И сохранение круга — тоже.

— За всеми? — спросил молодой гонец из коридора.

— За всеми, кого снимут по этому распоряжению.

Впервые за день драконы перестали перешёпываться.

Один из старших поднял голову.

— Тогда у меня сводило левую лапу после Западной гряды. Дважды.

Другой сказал:

— У меня огонь стал синим по краям.

Писарь едва успевал переносить признания на новую дощечку.

Михаил ощутил короткое удовлетворение диагноста, когда разрозненные признаки складываются в картину. Следом пришло другое чувство: картина появилась не потому, что он нашёл идеальный тест, а потому, что Аэла убрала наказание за правдивый ответ.

— Почему раньше молчали? — спросила Кира, хотя ответ уже был перед ней.

— Потому что слабого гонца лечат заменой гонца, — сказал Тирр.

Аэла медленно сложила лист распоряжения.

— Теперь нет.

*

На закате Михаил вышел на галерею Палаты. Город лежал в кальдере кругами: верхние башни ловили последние лучи, нижние улицы уже светились золотыми прожилками. Над Северной стеной прошёл синий дракон и один раз выдохнул в поток. Воздух задрожал, подхватил его крылья и понёс к внешним скалам.

Кира поставила на парапет мешочек новой каши.

— Связующая глина из городских карьеров, — сказала она. — Медная крошка есть, но крупнее прежней и почти не освобождается при обычном пищеварительном жаре. Казначей купили металл дешевле, а потом добавили глину, чтобы камни не рассыпались.

— Они знали о риске?

— Они знали норму веса. Вес сохранён.

— А доступность — нет.

— В Табели нет слова «доступность». Есть положенная доля.

Аэла подошла неслышно и положила рядом копию приказа о пошлине.

— Состав законен. Поставка принята. Каждая печать настоящая.

— Значит, никто не украл медь, — сказал Михаил.

— Украли не металл. Украли возможность его усвоить. Кира усмехнулась.

— Это труднее предъявить на весах.

Внизу Тирр разговаривал с другими гонцами. Его крыло оставалось в перевязи, но голос снова звучал громко. Когда один из молодых попытался уйти без пробы, Тирр перегородил ему дорогу хвостом.

— Сегодня вы были полезны в пределах ограничений, — сказала Аэла.

— Даже не ошибся в температуре.

— Вы трижды пытались превратить наблюдение в вывод

раньше Киры.

— Но остановился.

— Поэтому второй квадрат завтра всё-таки загорится.

Михаил посмотрел на серый лист. Семь дней всё ещё казались коротким коридором к неизвестному суду. Но теперь за его спиной была не только дверь домой. Здесь существовали пациенты, которым болезнь запрещали не врачи, а расписание, пошлина и страх потерять работу.

Из центрального зала донёсся крик Брама:

— Аэла! Резак из крыла Роха не такой, как старые. У него на брюшке складская синяя краска!

Кира схватила мешочек с кашей. На его печати была та же синяя полоса.

Аэла закрыла глаза на одно короткое мгновение, словно надеялась, что совпадение исчезнет без её взгляда. Потом повернулась к лестнице.

— Кормовой склад снабжает и грифонов, и гонцов, — сказала она. — Опечатать весь остаток партии.

— Дорн будет счастлив, — заметил Михаил.

— Его счастье не входит в Табель.

Они побежали вниз. За окнами Астэр продолжал светиться от жар-жил, а по коридорам Палаты уже несли два доказательства того, что единый порядок способен одинаково аккуратно распределять не только помощь, но и вред.

Глава 4. Аптека несовместимых

Склад опечатали до рассвета, но синяя полоса успела разойтись по городу.

Она была на мешках с кашей, на тюках грифоньего сена, на бочонках костной соли и на ящиках, которые два грузчика уже успели отвезти в аптеку Киры. Аэла велела развернуть телегу у самой двери Палаты. Возница ругался, лошади били копытами по мостовой, а Брам, сидевший рядом с грузом, держал банку с перьевым резакom так осторожно, будто в ней лежало признание преступника.

— Поставщик один, — сказал он. — Значит, и причина одна.

— Причин может быть несколько, — ответил Михаил. — Общий поставщик пока только связь.

— Вы сегодня сговорились отнимать у меня хорошие выводы?

— Только быстрые.

Аэла проверила печати на ящиках. Синий воск принадлежал городскому распределителю, поверх него стояли знаки приёмщика склада и аптечной артели. Всё, как вчера: законная цепочка, настоящие подписи, вред без единственного удобного виновника.

Кира появилась в дверях своей аптеки с закатанными рукавами и чёрной полосой золы на щеке.

— Если вы привезли мне ещё одну официально безопасную партию, ставьте справа. Слева уже три.

Аптека занимала бывшую купальню. В круглом зале вместо бассейна стоял каменный стол, испещрённый желобками. По стенам поднимались шкафы с узкими ячейками; на каждой дверце были не названия болезней, а силуэты: крыло, клюв, раздвоенное копыто, жабры, чешуйчатый хвост. Под потолком медленно вращались медные лопасти, разнося запахи смолы, сушёных трав и горячего железа.

У дальней стены сидел пациент — ящер размером с крупную собаку, в зелёной служебной попоне. Его передняя лапа дрожала. Рядом женщина в форме мостовой стражи пыталась удержать миску.

— Он был вдвое больше, когда я дала лекарство, — сказала она. — Потом свернулся, чтобы войти в люк. Кира велела не давать вторую ложку, а приступ вернулся.

— Я велела ждать меня, — уточнила Кира. — Не ждать второй ложки.

Михаил остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Он понимает речь?

— Дорс понимает семь команд, — ответила стражница. — Говорить не умеет.

— Тогда решаете вы. Можно осмотреть, не касаясь?

Женщина кивнула. Дорс втянул голову, когда Михаил присел, но не отступил. Зрачки были одинаковыми. Дыхание частое, без свиста. Дрожь усиливалась, когда ящер пытался

подняться, и исчезала в покое.

— Что дали и сколько?

— Полную ложку серой настойки. По Табели: одна ложка мостовому ящеру при судороге.

Кира выставила на стол флакон.

— Настойка каменного мака. Снимает непроизвольное напряжение, но угнетает дыхание. Он получил обычную дозу в большой форме. Через четверть часа уменьшился.

— Масса тоже уменьшилась?

Стражница нахмурилась.

— Конечно. Иначе провалился бы сквозь люк.

Михаил посмотрел на Аэлу.

— А количество лекарства внутри него?

Ответила Кира:

— Не исчезло. Поэтому второй ложки не будет.

Она поднесла к ноздрям Дорса полоску серебряной ткани. Ткань потемнела на три деления. Кира записала результат, затем попросила стражницу вывести ящера в тёплый двор и не позволять ему снова увеличиваться до повторной проверки.

— При большой форме доза была терпимой, — сказала она, когда дверь закрылась. — В малой та же порция стала почти в четыре раза тяжелее на меру крови. Если бы хозяйка повторила её, он мог перестать дышать.

Брам поставил банку на стол.

— Но Табель не ошиблась. Она писалась для мостового

ящера.

— Для какого именно? — спросил Михаил.

Брам оглянулся на закрытую дверь.

— Для мостового.

— В какой форме?

Кира достала Табель с полки. В строке было написано: «Ящеру мостовому — ложка малая». Ни массы, ни размера, ни условий повторения.

Аэла прочитала запись дважды.

— Составители предполагали рабочую форму. В люки они сворачиваются ненадолго.

— Достаточно надолго, чтобы лекарство продолжало действовать, — сказал Михаил.

Кира высыпала на весы двенадцать стеклянных шариков.

— Это условная доза. Допустим, в большой форме у Дорса двенадцать мер крови.

Она разложила шарики по одному в двенадцать чашечек. Затем убрала девять чашечек, а шарики пересыпала в оставшиеся три.

— После сворачивания кровь не исчезает в точности так, как чашки, — сказала она. — Часть уходит в жар-жилу, часть уплотняется, меняется скорость дыхания и работа печени. Но направление верное: вещества на одну меру тела становится больше.

— Вы говорите о размере, как о породе, — заметила Аэла.

— Нет, — сказал Михаил. — Порода отвечает на вопрос

«кто». Нам нужны ещё «сколько» и «в каком состоянии».

Кира уже расчистила середину стола.

— Значит, сегодня вы не уйдёте, пока не поможете мне это записать.

*

Начали с весов, и сразу выяснилось, что взвесить дракона в Астере труднее, чем обвинить казначея.

Аптечные весы принимали существ до двух пудовых гирь. Складские определяли массу телеги вместе с грузом, но не чувствовали разницы меньше четверти мешка. В Палате существовала грузовая площадка для раненых, однако её шкала была размечена не числами, а категориями: ручной, носилочный, тележный, подъёмный.

— Потому что вес нужен, чтобы выбрать способ переноса, — объяснила Аэла.

— А аптекарю — чтобы выбрать количество вещества, — сказала Кира.

Брам привёл Роха. Старый грифон остановился перед площадкой и посмотрел на неё с таким оскорблением, будто ему предложили добровольно лечь в котёл.

— Он не встанет, — предупредил смотритель.

— Тогда не заставляем, — сказал Михаил. — Есть ли платформа, на которую он встаёт сам?

Через десять минут они прикатали кормовую тележку. Рох охотно забрался на неё за полоской сушёного мяса. Сначала взвесили тележку с грифоном, потом пустую. Кира вы-

чала одно из другого на восковой дощечке.

— Тридцать восемь пудов и шесть фунтов.

— Утром было тридцать девять, — сказал Брам.

— На каких весах?

— На глаз.

— Глаз оставим в графе «оценка», — сказал Михаил. — Не смешиваем с измерением.

Брам ворчал, но сам потребовал повторить взвешивание. Во второй раз Рох переступил на тележке, и стрелка остановилась на два фунта дальше.

— Диапазон, — сказал Михаил. — Не одно красивое число. Запишем условия: после кормления, попона снята, крылья сложены.

Аэла взяла перо.

— Масса; способ измерения; форма; время относительно еды; состояние покоя или нагрузки.

— И вещество, — добавила Кира. — Количество, путь введения, время, желаемый эффект, нежелательная реакция.

— Вид и возраст, — сказал Брам. — Молодой степной и старый степной переносят дымный корень по-разному.

Михаил кивнул. Брам заметил это и расправил плечи.

Первая таблица заняла половину серого листа. В строках стояли не предписания, а случаи: Рох, Дорс, Тирр и ещё шестеро пациентов из аптечных журналов. Кира отказалась переносить записи, где исход описывался словами «стало лучше» без времени наблюдения. Аэла вычеркнула две строки,

в которых никто не спросил согласия разумного пациента. Михаил настоял, чтобы рядом с каждой дозой было указано, измерена масса или угадана.

К полудню таблица выглядела хуже Табели: неровная, с пустыми клетками, вопросительными знаками и широкими полями.

— Её засмеют, — сказала Аэла.

— Хорошо, — ответил Михаил. — Значит, увидят пустоты.

— Людям нужна инструкция, а не признание незнания.

— Пустая клетка безопаснее выдуманного числа.

Кира подняла флакон каменного мака.

— Есть способ получить ещё одну строку. У меня три образца крови Дорса, взятые в разных формах по его прежнему обследованию. Можно проверить распад настойки вне тела.

— Назначать вы ему ничего не будете, — напомнила Аэла Михаилу.

— И не собирался. Это лабораторная проба, если образцы взяты законно и хранение не испортило их.

Кира нашла в журнале согласие хозяйки на учебное использование остатков. Три запаянные трубки отличались цветом: кровь большой формы была тёмно-зелёной, средней — оливковой, малой — почти золотой. В каждую Кира внесла одинаковую каплю настойки и поставила трубки в песчаную баню.

— Одинаковая капля — специально, — сказала она Бра-

му. — Мы не лечим, а сравниваем.

Через пять минут золотая проба дала чёрный осадок. В оливковой появилась тонкая нить, тёмно-зелёная оставалась прозрачной.

— Значит, малая форма делает яд, — сказал Брам.

— Эта малая форма этого ящера при этих условиях изменила пробу сильнее, — поправил Михаил.

— Когда-нибудь я скажу фразу без вашего хвоста из оговорок.

— Тогда она, вероятно, будет о погоде.

Кира не улыбнулась. Она смотрела на чёрный осадок.

— Вчера я продала две склянки каменного мака караульной службе.

Аэла мгновенно поднялась.

— Кому?

Запись нашлась в расходной книге: мостовым ящерам Западных ворот. Один нёс службу в большой форме, второй работал внутри подъёмного механизма и сворачивался каждый час.

— Посыльного, — приказала Аэла.

— Быстрее Тирра никого нет, — сказал Брам.

Тирр находился в соседнем дворе и услышал своё имя. Он вошёл, шадя перевязанное крыло.

— Я долечу.

— Нет, — одновременно сказали Михаил и Аэла.

Тирр раздражённо стукнул хвостом.

— Вы сохранили мне круг, чтобы я сидел?

— Чтобы ты не платил службой за болезнь, — ответила Аэла. — Бежать будет человек.

Михаил быстро написал на обороте аптечной обёртки: не давать повторную дозу, удерживать рабочую форму, наблюдать дыхание, доставить в аптеку под сопровождением. Кира поставила подпись. Аэла прочитала и зачеркнула слова «удерживать форму».

— Если увеличение потребует больше жара, оно само может ухудшить состояние.

Михаил почувствовал знакомый укол раздражения — и сразу признал, что она права.

— Тогда не менять форму до осмотра. Если уже изменил — не заставляя увеличиваться.

Аэла вернула записку.

— Теперь отправляйте.

Это была маленькая правка, но Михаил запомнил её лучше любого удачного вывода. Его земная привычка снова предложила простое действие, будто тело было постоянным. Здесь даже возвращение к прежнему размеру имело цену.

*

Ящера с Западных ворот привезли через час. Он не получил вторую ложку. Дыхание оставалось редким, но ровным; Кира наблюдала его до вечера, и никакого противоядия не понадобилось.

Тем временем слух о новой таблице вышел из аптеки

раньше посыльного.

Сначала пришли два лекарских ученика. Потом — представитель артели перевозчиков, желавший знать дозу сонной смолы для дракона, который уменьшался в трюме. За ним явился писарь Палаты с официальным требованием передать «новый свод лечебных норм» для копирования.

— Это не свод, — сказала Кира. — И не нормы.

Писарь посмотрел на заполненный лист.

— Тут строки и столбцы.

— Наблюдения тоже умеют стоять в столбцах, — сказал Михаил.

У дверей уже спорили. Один ученик успел переписать строку Дорса и объявил, что для всех существ в малой форме дозу следует делить на четыре. Кира вырвала у него досщечку.

— У драконов при уменьшении часть вещества может уходить в жар-жилу. У оборотней — связываться с памятью формы. У мостовых ящеров — оставаться в крови. Вы сейчас изготовили правило из одного случая.

— Но людям надо что-то делать.

— Собирать данные, — ответила она. — Взвешивать. Записывать форму. Не повторять дозу вслепую.

Писарь всё же потянулся к таблице. Аэла положила ладонь на лист.

— Никому не копировать до проверки Палатой.

Михаил посмотрел на неё.

— Если аптекари не узнают о риске, кто-нибудь повторит ложку.

— Предупреждение о риске будет разослано сегодня. Таблица — нет.

— Почему?

— Потому что завтра четвертные дозы станут новой Табелю. Послезавтра кто-нибудь применит строку ящера к дракону. А через неделю подделает пустые клетки, чтобы получить печать.

— Тогда публикуйте вместе с ограничениями.

— Вы видели ученика. Он переписал число и оставил объяснение на столе.

Кира медленно забрала лист из-под руки Аэлы.

— Число опасно не потому, что его увидят. Потому что мы не научили читать условия.

— И пока не научили, я отвечаю за последствия, — сказала Аэла.

В дверях появился Дорн, начальник снабжения. На этот раз он не принёс ни стражу, ни угрозы — только свиток с печатью Палаты.

— Архонт уже ответил, — сказал он. — Временный запрет на размножение таблицы массы и формы. Подлинник передать в закрытый архив. Аптекам разослать распоряжение: не повторять сильнодействующие дозы после изменения размера без нового осмотра.

— Быстро, — заметил Михаил.

— В городе ценят скорость, когда опасность можно выразить приказом.

Аэла прочитала свиток. Её лицо не изменилось, но большой палец задержался на печати Варгета.

— Предупреждение разумно, — сказала она. — Запрет преждевременен.

Дорн слегка поклонился.

— Можете изложить это в закрытом приложении.

Кира свернула таблицу, но не отдала.

— Подлинник останется у меня до утра. Я внесу все источники и отмечу неизвестное.

— Приказ требует передать.

— Не требует передать незаконченное.

Брам кашлянул, скрывая смехок. Аэла посмотрела на Дорна.

— Аптека работает под моим надзором. Получите лист утром.

Когда начальник снабжения ушёл, Кира развернула таблицу снова. В нижней части оставалось место ещё для десятков случаев.

— Закрытый архив, — сказала она. — Место, где полезные ошибки перестают беспокоить живых.

— Мы сделаем копию? — спросил Брам.

Аэла ответила не сразу.

— Нет. Это будет прямым нарушением приказа.

— Тогда что мы сделаем? — спросил Михаил.

Она взяла чистый лист.

— Отдельное предупреждение без доз. Изменение формы после введения препарата считать изменением состояния пациента. Повторное назначение требует оценки массы, формы, дыхания, времени и реакции на первую дозу. Это распоряжение архонт разрешил.

— А данные?

— Данные останутся в подлиннике. И у тех, кто их получил.

Кира поняла первой. Она переписала каждый случай в аптечный журнал — не таблицей, а подробными записями о пациентах, как делала всегда. Брам внёс массу Роха в стойловую книгу. Стражница Дорса получила выписку о реакции своего ящера. Формально копии запрещённой таблицы не существовало. Наблюдения не исчезли.

Михаил провёл пальцем над пустой клеткой, не касаясь чернил.

— Это не победа публикации.

— Нет, — сказала Аэла. — Пока только победа памяти над удобством.

Снаружи ударил вечерний колокол. В аптеке одновременно звякнули флаконы: глубоко под городом прошла тепловая волна. Медные лопасти под потолком ускорились, потом снова замедлились.

Рох у двери внезапно дёрнул головой и щёлкнул клювом. Брам успокоил его привычным движением, но грифон не

смотрел на человека. Он смотрел на один из ящиков с синей печатью.

Из щели между досками выполз перьевой резак. За ним — второй.

Кира накрыла обоих стеклянной чашей. На брюшке первого блестела синяя краска, у второго её не было.

— Значит, краска не причина, — сказал Брам.

— Метка пути, — ответил Михаил. — Причина в грузе или условиях хранения.

Рох отступил от ящика, прижал перья и коротко ударил лапой по полу.

— Он боится запаха, — сказал Брам. — Так же делал перед тем, как я нашёл резака под крылом. Я решил, что упрямится.

Михаил посмотрел на опечатанные доски. Внутри шуршало что-то сухое.

— Завтра нам нужен не только состав партии. Нужно понять, что Рох пытался сообщить до того, как его поведение назвали неповиновением.

Аэла погасила горелку под песчаной баней и положила запрет Варгета рядом с ещё влажным предупреждением.

— Завтра вы наблюдаете за грифоном. Не обвиняете склад, поставщика или Палату, пока признаки не разделены.

— Уже учусь.

— Медленно.

— Зато с таблицей.

Кира спрятала подлинник в железный футляр. На крышке не было ни синей полосы, ни печати Палаты — только вмятина от старого ожога.

Первую таблицу массы и формы запретили в тот же день, когда она появилась. Но впервые в Астере лекарство перестало быть просто ложкой для породы. У дозы возникли условия, у пустоты — честное значение, а у поведения пациента — шанс оказаться сообщением прежде, чем его объявят помехой.

Глава 5. Грифон не лжёт

К рассвету Рох разбил кормушку, Брам запер дракона в пустом деннике и успел трижды объявить, что всё видел собственными глазами.

Михаил застал его во дворе стойлового корпуса. Смотритель стоял перед железной решёткой, прижимая к боку рассечённую ладонь. За решёткой сидел молодой бурый дракон в складской упряжи. Он был чуть крупнее лошади, но старательно занимал как можно меньше места: подобрал крылья, обвил хвостом задние лапы и не сводил глаз с копыя караульного.

Рох ходил вдоль дальней стены. Старый грифон прихрамывал, перья на шее стояли дыбом, клюв был раскрыт. Каждый раз, когда ветер тянул от ряда синих ящиков, он резко поворачивался и бил передней лапой по камню.

— Вот он, — сказал Брам, указав здоровой рукой на дракона. — Полез к корму, Рох его отогнал. Потом этот складской выдохнул ему под крыло. Резак и выскочил.

— Я не выдыхал, — тихо сказал дракон.

— А рука сама распоролась?

— Рох ударил кормушку. Щепка отлетела в вас.

— Я тридцать лет знаю, куда летят щепки.

— Значит, двадцать девять, — сказала вошедшая Аэла.

— В прошлом году вам разбило лоб дверцей сенника.

Брам насупился, но ладонь Кире протянул. Та промыла порез и велела держать руку выше. Михаил остановился у порога. В деннике пахло кислой мукой, мокрой шерстью и чем-то сладким, похожим на яблочную кожуру, забытую на батарее.

— Никто не входит, — сказал он. — Роха не трогаем. Я сначала хочу услышать, что случилось, отдельно от того, почему это случилось.

— Я уже рассказал.

— Вы рассказали причину. Теперь действия. Кто где стоял?

Брам зло втянул воздух, но начал с начала. На рассвете привезли обычную недельную порцию. Складской дракон — его звали Эдд — вкатил первые три ящика. Рох был спокоен. На четвёртом прижал уши, загородил кормушку и не дал снять крышку. Брам потянул его за недоуздок. Рох рванулся, опрокинул кормушку и ударил лапой рядом с Эддом. Дракон вскинул голову, выпустил короткое облако пара. Из-под крыла грифона выпал перьевой резак. Тогда Брам решил, что паразит перескочил с дракона, и позвал стражу.

— Кого Рох пытался укусить? — спросил Михаил.

— Никого. Но клювом щёлкал.

— В чью сторону смотрел, когда бил лапой?

Брам указал на Эдда, потом нахмурился.

— На ящик. Эдд был за ним.

— Эдд приближался к Роху?

— Отступал, — признал караульный. — Всё время, пока грифон шумел.

— Пар был горячим?

Брам помолчал.

— Я не проверял.

— Он был холодным, — сказал Эдд. — Я выпускаю пар, когда пугаюсь. Огонь мне нельзя: складская упряжь промаслена.

Михаил посмотрел на Аэлу.

— Можно выпустить его из денника? Он не пациент и не подозреваемый, если здесь есть такое понятие.

— Есть задержанный до выяснения ущерба, — ответила она. — Но ущерб причинил не он. Откройте.

Караульный убрал копьё. Эдд вышел боком и прижался к стене двора. Под ремнями у него не было ни расчёсов, ни взъерошенных чешуек. Кира попросила разрешения осмотреть складки крыльев. Дракон согласился. Ни одного паразита они не нашли.

— Это ничего не доказывает, — сказал Брам.

— Доказывает ровно то, что мы не нашли паразитов на открытых участках, — ответил Михаил. — И что Эдд не шёл к Роху. Пока ваша версия возможна, но наблюдения её не поддерживают.

— Рох на него бросился.

— Рох остановился между ним и ящиком. Клювом ни разу не попытался достать тело. Лапой бил по полу. Это может

быть нападением. Может — угрозой. Может — попыткой не подпустить к чему-то. Разница в направлении, расстоянии и том, что прекращает поведение.

Аэла кивнула на синие ящики.

— Проверяйте без контакта. Ваши ограничения не изменились.

Михаил попросил убрать Эдда за ворота. Рох продолжал ходить у стены. Тогда пустой четвёртый ящик оттащили на середину двора. Грифон замер, опустил голову и отступил. На первый, второй и третий ящики он не отреагировал.

— Видите? — сказал Брам. — Там был Эдд, от него запах остался.

— Возможно. Нужны сравнения.

Кира принесла из аптеки стеклянные чаши и щипцы. Брам — четыре чистых полотняных мешка. В один положили пригоршню корма из подозрительного ящика, во второй — корм из прежней партии, в третий — стружку с его внутренней стенки, четвёртый оставили пустым. Михаил настоял, чтобы мешки завязал человек, который не будет показывать, что внутри. Аэла перемешала их за дверью и вынесла по одному.

На пустой мешок Рох не отреагировал. Старый корм обнюхал и отвернулся. Перед свежим кормом напрягся, но остался на месте. Когда появилась стружка, он отскочил так резко, что крылом задел стену.

Брам выругался и двинулся к нему.

— Стойте, — сказал Михаил. — Он уже увеличивает состояние. Дайте ему это сделать.

Стружку унесли. Рох перестал щёлкать клювом, отряхнулся от головы к хвосту и принялся чистить грудные перья.

— То есть не корм? — спросила Кира.

— Мы знаем, что сильнее всего он отреагировал на материал из ящика. В свежем корме запах тоже мог сохраниться. Нужно разделить доски, содержимое и условия.

Брам посмотрел на Роха, потом на перевязанную ладонь.

— Он предупреждал.

— Он делал то, что помогало ему отдалиться от неприятного или опасного. Предупреждением это стало для нас, когда мы заметили последовательность.

— Слова у вас даже благодарность превращают в протокол.

— Зато протокол не требует, чтобы Рох умел говорить по-человечески.

В стойловую книгу внесли первые строки: положение ушей, раскрытый клюв, поднятые перья, удар лапой перед предметом, отход после удаления предмета. Брам сам добавил: «Не преследовал Эдда, когда тот отступил». Писал он медленно, вдавливая перо так, что оно дважды прорезало бумагу.

*

К полудню двор превратился в выставку пустых ящиков. Партия состояла из сорока двух. На двадцати девяти сто-

яла синяя складская полоса, на остальных — только клеймо изготовителя в виде трёх зубцов. Перьевых резачков нашли в пяти ящиках: четырёх с полосой и одном без неё. Во всех пяти внутренняя стружка пахла сладко и кисло. В сухих ящиках запаха не было.

— Синяя краска снова не причина, — сказал Брам. — Я запомнил.

— И отсутствие полосы не означает, что ящик миновал склад, — добавила Кира. — Краска могла стереться или её не нанесли.

Они поставили заражённые ящики отдельно и осмотрели швы через увеличительное стекло. В щелях лежали серые крупинки и полупрозрачные оболочки. Кира перенесла образцы под чашу. Один перьевой резак выбрался из оболочки, расправил плоские лапки и потянулся к птичьему перу, положенному рядом.

— Молодые, — сказал Брам. — Значит, они не просто приехали внутри. Они здесь вывелись.

— Или начали выводиться раньше, — сказал Михаил. — Какие условия им нужны?

Брам знал резачков лучше любого справочника Палаты. Взрослые цеплялись к основанию пера и питались жиром кожи. Яйца оставляли в тёплой влажной пыли, особенно там, где хранились старые подстилки. Мороз губил кладку, сухой жар — тоже. В стойлах паразит появлялся после сырой осени, но его никогда не находили в кормовых ящиках.

Эдд, всё ещё ожидавший решения у ворот, поднял голову.

— На складе есть нижняя галерея. Там тепло и влажно.

— Корм держат в нижней галерее? — спросила Аэла.

— Только когда верхние ряды заняты. Последние две недели заняты все.

— Чем?

Эдд посмотрел на караульного, словно проверяя, разрешено ли ему помнить.

— Серебряным шлаком для ремонта жил. Его нельзя ставить внизу: потускнеет. Корм перенесли под восточную арку.

Аэла велела распрячь складскую тележку и объявила осмотр хранилища. Брам хотел идти первым, но Михаил указал на руку. Смотритель спрятал её за спину.

— Это царапина.

— Это открытая рана рядом с паразитами и грязью.

— Вы мне ничего назначать не можете.

— Могу наблюдать, как вы принимаете плохое решение.

Кира протянула Брам чистую рукавицу.

— Наденьте и не изображайте из полномочий болезнь.

На этот раз он подчинился.

*

Городской кормовой склад стоял над восточной жар-жильей. Верхний зал был сухим и гулким. Серые мешки поднимались до балок; между ними блестели новые бруски серебряного шлака, каждый под печатью Палаты. Внизу воздух менялся. Каменные ступени покрывал конденсат, на сте-

нах рос белёсый мох, а медные трубы под потолком отдавали ровное тепло.

Под восточной аркой теснились ящики. Нижний ряд стоял прямо на камне. Доски потемнели на высоту ладони.

Роха сюда не повели. Брам принёс несколько его сброшенных перьев в закрытой банке. У первой стопки он положил одно перо на белую ткань и стал ждать. Через несколько минут из щели показался резак.

— Не трогайте, — сказала Кира.

Второй появился у соседнего ящика, третий — под слоем влажной упаковочной соломы. У самого дальнего столба они нашли старую грифонью подстилку: свалявшиеся перья, шерсть и труху. Брам присел рядом и долго молчал.

— Откуда это?

Заведующий складом, сухой человек в безупречно синем переднике, перелистал журнал.

— Возвратная набивка из почтовых клетей. По правилам её сдают на переработку.

— Переработка — не хранение рядом с кормом.

— Её должны были забрать три дня назад.

— А привезли когда?

Журнал сообщил: одиннадцать дней назад. Почти одновременно с первой партией нового рациона и через день после заполнения верхнего зала шлаком.

Михаил присел у нижнего ящика, не касаясь его. Влажная доска, тепло трубы, органическая пыль, заражённая под-

стилка рядом. Получалась подходящая среда, но не готовый приговор.

— Нам нужны ящики с разных уровней, — сказал он. — И записи о времени хранения. Если заражены только нижние, условия важнее происхождения груза. Если все от одного изготовителя — проверяем путь до города. Если резак есть в старой подстилке, но нет в закрытых щелях дальних ящиков, источник мог быть местным. Пока возможны все три варианта и их сочетание.

Брам поднял комок подстилки щипцами.

— Это из моих стойл.

— Уверены?

— У Роха на маховых перьях тёмная кайма. Я собирал эту набивку после зимней линьки.

Его уверенность исчезла так же быстро, как утренний гнев. Он посмотрел на Эдда.

— Значит, я сам отправил резак на склад.

— Вы отправили использованную подстилку на переработку, — сказал Михаил. — Если соблюли правила, это не то же самое, что оставить её на одиннадцать дней у тёплой трубы.

— А Эдд доставил ящик и тоже не обязан был знать, что внутри, — сказала Аэла.

Брам снял рукавицу, снова надел и подошёл к дракону.

— Я обвинил тебя без проверки.

Эдд наклонил голову.

— Да.

— И запер.

— Да.

— Можешь хотя бы один раз облегчить мне работу?

Дракон подумал.

— Вы ещё сказали, что складские врут даже во сне.

Брам поморщился.

— За это тоже прошу прощения.

— Теперь легче.

Рук они не пожали. Эдд просто отступил от стены, а Брам перестал загораживать ему выход. Для начала этого хватило.

Аэла распорядилась остановить выдачу корма из нижней галереи, поднять ящики с камня и осмотреть животных, получавших партию. Михаил напомнил, что нельзя обрабатывать всех первым попавшимся средством только из-за общего маршрута. Кира составила порядок: осмотр перьев и кожи, отдельное хранение подозрительной подстилки, очистка пустых помещений, учёт реакции по каждому виду. Средство ещё предстояло подобрать и проверить.

— А корм уничтожить? — спросил заведующий.

— Изолировать, — сказала Аэла. — До проб. Если сожжём сейчас, потеряем различия между рядами и поставками.

Михаил взглянул на неё с одобрением.

— Не привыкайте, — сказала она.

Они отобрали образцы с нижнего, среднего и верхнего

рядов. В нижнем резак обнаружился в шести ящиках из восьми. В среднем — в одном. В верхнем не нашли ни одного, хотя четыре ящика имели то же клеймо изготовителя. Это не исключало заражения до прибытия, но делало условия нижней галереи необходимой частью объяснения.

В журнале перемещений нашлась ещё одна деталь. Раньше корм проводил на городском складе не больше суток. Новая партия лежала здесь от пяти до девяти дней: проверяющий не ставил печать выпуска.

— Кто задержал проверку? — спросила Аэла.

Заведующий показал пустую графу.

— Инспектор снабжения не пришёл. Мне велели выдавать по временной накладной.

— Кто велел?

Вместо ответа он достал из запертого ящика договор. На первой странице стояло имя поставщика: «Товарищество Северных амбаров». На последней — три подписи. Две принадлежали купцам. Третья была поставлена начальником снабжения Дорном от имени Палаты чешуйчатого попечения.

Условия хранения занимали одну строку: «В сухом либо допущенном Палатой помещении». Восточная галерея была допущена отдельным приложением. Печать под приложением повторяла герб Варгета.

Брам присвистнул.

— Значит, Палата разрешила сырой подвал и сама купила

этот корм.

— Палата заключила договор и допустила помещение, — поправил Михаил. — Это уже связь и ответственность за проверку. Но мы ещё не знаем, где появились первые яйца, кто задержал вывоз подстилки и почему инспектор не пришёл. Не заменяйте обвинение дракона обвинением одного поставщика.

Аэла держала приложение за края, будто бумага могла испачкать пальцы.

— Допуск выдан четыре года назад, — сказала она. — Тогда восточная жила не обогревала галерею.

— Трубы новые, — заметила Кира.

На медных стыках ещё не успела потемнеть пайка. Заведующий сообщил, что отопление провели месяц назад по аварийному распоряжению: верхние склады забирали под материалы для ремонта жар-жил, и нижние помещения требовалось «сохранить пригодными».

— Кто подписал распоряжение? — спросил Михаил.

Аэла перевернула лист. Подписи не было. Только номер закрытого приложения Палаты.

Она сложила договор и убрала его в служебную сумку.

— Это вещественная запись. Она будет приобщена к разбору.

— К закрытому? — спросил Брам.

— Если понадобится, я сама зачитаю её на открытом.

В её голосе впервые прозвучала не осторожность челове-

ка, защищавшего порядок, а холодная злость человека, обнаружившего, что порядок пользовался её доверием.

*

Вечером Роху вернули старый корм из сухого стойлового ларя. Брам поставил миску, отошёл и дождался, пока грифон сам приблизится. Рох обнюхал край, спокойно поел и не взглянул на Эдда, который забирал пустую тележку.

В стойловой книге появилась новая запись. Брам прочёл её вслух:

— «При появлении четвёртого ящика Рох увеличивал расстояние, заслонял кормушку и бил лапой перед грузом. После удаления материала прекращал угрозу. При старом корме спокоен». Так?

— Так, — сказал Михаил.

Брам добавил ещё одну строку: «Первоначальное объяснение зрителя — нападение на доставщика — наблюдениями не подтверждено».

— Это обязательно?

— Нет.

— Тогда обязательно.

Эдд остановил тележку у ворот.

— Рох всё-таки лгал? Он делал вид, что нападёт.

— Угроза — не обещание нападения, — сказал Брам прежде Михаила. — Это просьба держаться подальше, высказанная тем, что у него есть.

Рох поднял голову на своё имя и снова опустил клюв в

миску.

Аэла принесла копию временного распоряжения: нижняя галерея закрыта, партия изолирована, животные с её маршрута подлежат осмотру, договор и допуск помещения рассматриваются через два дня. Рядом она положила выписку из закрытого приложения. В ней упоминалось перераспределение складов из-за ремонта жар-жил, но не было ни цели ремонта, ни имени подписавшего.

— Варгет знал о переносе корма, — сказала она. — Дорн подписал договор. Товарищество получило исключение из обычного срока проверки. Этого достаточно, чтобы требовать разбирательства. Недостаточно, чтобы назвать причину единственной или умышленной.

— А номер закрытого приложения? — спросил Михаил.

— Принадлежит разделу аварийных мер по тепловой устойчивости города.

Кира посмотрела на медные трубы склада, видимые через открытые ворота.

— Ради ремонта жар-жил корм вытеснили в место, где вывелись паразиты. А новую кормовую смесь ввели после пошрины, связанной с тем же ремонтом.

Две разные болезни, два разных механизма, один административный маршрут. Михаил почувствовал соблазн соединить их прямой линией — и не позволил себе.

— Пока у нас не линия, а узел, — сказал он. — Его придётся развязывать по одной петле.

Брам закрыл стойловую книгу.

— Начнём с той, которую Рох показал лапой.

На этот раз никто не поправил его формулировку.

Глава 6. Семь дней

На седьмой день Михаилу предложили выбрать между правдой и удобным порядком выступлений.

Публичный разбор проходил в круглом зале Палаты. Скамьи поднимались уступами: внизу сидели люди, выше — грифоны и малые драконы, под самым куполом тянулись широкие площадки для тех, кто не уменьшался ради собраний. По каменным желобам шло тепло. Каждый голос отзывался в полу слабой дрожью.

Перед началом Аэла положила перед Михаилом три листа.

— Сначала случай Тирра. Затем заражённый корм. В конце — решение о вашем разрешении. Отвечайте только на вопросы.

— А Рох?

— Его случай включён в корм.

— Я спрашиваю о своей ошибке с его температурой.

— Она не относится к предмету сегодняшнего разбирательства.

Михаил перечитал повестку. В ней было сказано: «О результатах семидневного наблюдения чужеземного лекаря». Ошибка относилась к нему точнее любых успехов.

— Если я промолчу, получится реклама, а не разбор.

— Если вы начнёте с ошибки, Дорн использует её, чтобы

отменить всё остальное.

— Он всё равно её использует.

Аэла посмотрела на ряды. Там уже сидели Тирр, Эдд и двое медных гонцов. Брам устроился рядом с Рохом на нижней площадке. Старый грифон согласился войти только после того, как ему показали оба выхода и дали обнюхать пустую кафедру.

— Я не прошу вас лгать, — сказала Аэла. — Я прошу соблюдать порядок.

— Порядок, в котором ошибка остаётся в приложении?

Она поморщилась, словно он выбрал единственный довод, против которого у неё не было служебной формулы.

— Если заговорите, говорите точно.

Архонт Варгет вошёл без свиты. В человеческой форме он казался высоким седым мужчиной, но серебряная чешуя проступала у висков и на пальцах. Дорн нёс за ним папку с синими печатями.

— Семь дней истекли, — объявил Варгет. — Палата выслушает наблюдения и определит, было ли временное отступление от Табели полезным для города.

Полезным. Не верным, не безопасным — полезным. Михаил понял, что исход уже подготовлен как бухгалтерская строка.

Дорн начал с Тирра. Он признал, что новый рацион снижал доступность меди, но назвал это «единичным несоответствием помола». О пошлине, страхе гонцов потерять круг и

четырёх разогревах вместо двух он не сказал.

— Пациент восстановил служебную годность? — спросил Варгет.

Тирр поднялся.

— Я восстановил дыхание. На прежний маршрут не вернулся, потому что обследование не закончено.

— Вам задавали вопрос о годности.

— А я отвечаю о себе.

По залу прошёл шелест. Аэла не остановила его.

Кира изложила результаты проб: крупная медная крошка, связующая глина, улучшение после малой пробы медной росы. Каждое число сопровождала условиями. Когда Дорн попытался назвать лечение доказанным для всех медных, она закрыла журнал.

— Доказано для Тирра при указанной форме, нагрузке и наблюдении. Для остальных назначено обследование, а не та же ложка.

Затем Брам рассказал о перьевых резаках. На этот раз он не сказал, что Рох «напал», и не назвал Эдда источником. Перечислил движения грифона, результаты сравнения мешков и распределение заражённых ящиков по рядам.

— Ваш вывод? — спросил Варгет.

— Мой первый вывод был неправильным. Я обвинил доставщика. Наблюдения показали, что Рох избегал груза.

— Я спрашивал о причине заражения.

— Тепло, сырость и старая подстилка дали резакам место

размножаться. Где были первые яйца, мы пока не знаем.

Дорн раскрыл договор.

— Товарищество Северных амбаров поставило товар в запечатанных ящиках. Следовательно, ответственность поставщика не установлена.

— Ответственность Палаты тоже ещё не распределена, — сказала Аэла. — Но именно ваше управление допустило выдачу без инспектора и хранение у новой тепловой трубы.

Варгет поднял ладонь. Зал затих.

— Ошибки снабжения будут рассмотрены отдельно. Сегодня решается вопрос метода господина Лаврова.

Михаила вызвали к кафедре. Камень под ладонями был тёплым. С верхних площадок на него смотрели десятки глаз: круглые, щелевидные, человеческие. Где-то там сидели те, кто пришёл узнать, можно ли доверять чужаку. Варгет предложил ему перечислить результаты семи дней.

— Прежде результатов я должен внести в открытый протокол ошибку, — сказал Михаил.

Аэла не шевельнулась. Только ноготь её большого пальца царапнул край листа.

— Во время первого осмотра Роха я измерил температуру около сорока градусов и назвал её признаком жара. Я применил знакомую мне норму к незнакомому виду, не спросил зрителя и едва не начал строить неверную версию. Для степного грифона такая температура на зимнем ветру не повышена.

Дорн поднялся раньше, чем Варгет успел ответить.

— То есть в первый же день вы ошиблись в основном показателе и скрыли это до окончания разрешения?

— Ошибка записана в протоколе первого дня. Сейчас я не позволяю спрятать её среди приложений.

— Вы могли причинить вред.

— Мог. Поэтому не получил права назначать лечение. Поэтому версия должна проверяться до действия.

— И это человек, предлагающий заменить Табель своим суждением.

— Я не предлагаю заменить одну непогрешимую книгу непогрешимым мной.

На верхней площадке кто-то коротко рассмеялся. Варгет повернул голову, и звук оборвался.

— Тогда что именно вы предлагаете? — спросил архонт.

— Отделять наблюдение от объяснения. Записывать условия. Сравнить альтернативы. Спрашивать тех, кто знает пациента каждый день. Проверять малым обратимым действием, когда это безопасно и разрешено. И сохранять ошибки так же тщательно, как успехи.

— Ошибка подрывает доверие к лекарю.

— Скрытая — да.

С нижней скамьи поднялась пожилая саламандра. Её кожа светилась в трещинах тусклым янтарём.

— По Табели мне трижды выжигали серый налёт, — сказала она. — Он возвращался. В журнале каждый раз написа-

но «облегчение». Где записано, что через неделю стало хуже?

Дорн потребовал соблюдать очередь вопросов, но вслед за саламандрой заговорил мостовой ящер Дорс. Он рассказал, как уменьшился после настойки и едва не получил вторую дозу. Потом один из медных гонцов признался, что скрывал судороги. Эдд сообщил, что его заперли по одному предположению и выпустили после проверки действий Роха.

— Вы все говорите, что господин Лавров был прав, — сказал Варгет.

— Нет, — ответил Брам. — Я говорю, что он заставил меня записать, где был неправ я. А сегодня записал себя.

Тишина после этих слов оказалась тяжелее шума.

Варгет спустился на одну ступень. Серебряная чешуя на его пальцах стала ярче.

— Палата создавалась не для сокрытия ошибок. Табель прекратила времена, когда лечение зависело от рода и кошель. Общая норма спасла тысячи.

— Общая отправная точка может спасти, — сказал Михаил. — Общий ответ до осмотра — нет.

— Вы хорошо пользуетесь различиями слов.

— Потому что между «обычно» и «всегда» иногда лежит пациент.

Варгет вернулся к столу. Дорн шепнул ему что-то, указывая на лист разрешения.

Разбор таблицы массы и формы прошёл быстрее. Кира

подтвердила, что Михаил не назначал препараты, но участвовал в лабораторном сравнении и составлении предупреждения. Аэла подтвердила, что остановка повторной дозы у мостового ящера была обоснованна. Затем Дорн задал единственный вопрос, ради которого, вероятно, ждал весь день.

— Господин Лавров, кто распорядился изолировать корм на городском складе?

— Инспектор Рунн.

— До её прибытия кто велел не вскрывать четвёртый ящик и проводить сравнение образцов?

— Я предложил это.

— А кто распорядился выпустить задержанного доставщика?

— Аэла.

— После чьего требования?

— Моего.

— Значит, вы не только наблюдали. Вы вмешались в складскую выдачу, инициировали действия с вещественными образцами и потребовали изменить статус задержанного. Всё это за пределами медицинского наблюдения.

Михаил посмотрел на Аэлу. Она могла сказать, что каждое решение принимала сама. Формально так и было. Но тогда метод сохранили бы ценой удобной лжи о его роли.

— Да, — сказал он. — Я вышел за пределы разрешения.

— Возражаю, — произнесла Аэла. — Все обязательные распоряжения отдавались мной.

- Господин Лавров признаёт нарушение, — сказал Дорн.
— Он признаёт влияние на решение. Это не одно и то же.
— Для чужеземца под надзором — одно.

Варгет попросил Михаила отойти от кафедры. Палата совещалась недолго. Пока серебряный дракон шептался с членами круга, Тирр спустился к Михаилу.

— Если разрешение отнимут, я знаю пустой склад у старой почты.

— Это приглашение нарушать закон?

— Это наблюдение о недвижимости.

— Быстро учишься.

Решение Варгет прочёл стоя. Наблюдения Михаила признали полезными. Предупреждение о дозах после смены формы оставили в силе. Проверку кормовой партии продолжали, действие унифицированного рациона для медных приостанавливали. Палата обещала создать комиссию по пересмотру записей об отрицательных исходах.

Затем последовало «однако».

— Господин Лавров неоднократно выходил за пределы предоставленного права наблюдения и ставил частное суждение выше установленной процедуры. Временное разрешение истекло и продлению не подлежит. Любая медицинская практика на территории Астэра без нового решения Палаты запрещена.

В зале заговорили все сразу. Рох расправил крылья от шума. Брам встал перед ним, не хватаясь за недоуздок, и по-

просил людей отойти. На этот раз его послушали.

Михаил расписался под решением. Ниже своей подписи добавил: «С ошибкой температуры ознакомлен; внесена публично». Дорн хотел забрать перо, но Варгет остановил его.

— Оставьте строку.

Когда зал опустел, Аэла догнала Михаила у наружной лестницы.

— Вы могли сохранить разрешение.

— На семь дней?

— На время пересмотра. Я подготовила ходатайство.

— В нём была моя ошибка?

— В приложении.

— Тогда Дорн был бы прав хотя бы в одном: мы придумали удобный порядок.

Аэла сжала папку.

— Без разрешения вы никому не поможете.

С площади донёсся голос Тирра. Медный дракон стоял у тележки вместе с Кирой, Брамом и Эддом. Рядом ждали саламандра с серым налётом, хромой оборотень и женщина, державшая на руках маленького крылатого змея. Они не расходились.

— Похоже, запрет не уменьшил число тех, кому нужна помощь, — сказал Михаил.

— Нужда не создаёт полномочий.

— Согласен.

Он ответил слишком быстро, и Аэла насторожилась.

Тирр раскатал на борту тележки план старого почтового склада.

— Здесь два входа, вода и отдельный двор. Крыша течёт только над конторой. Ночью маршруты туда не ходят.

Кира положила рядом аптечный журнал.

— Я могу осматривать и отпускать разрешённые средства в пределах своей лицензии.

— Я знаю грифонов, — сказал Брам. — И теперь умею писать, когда не знаю.

Эдд кашлянул облачком холодного пара.

— Я могу возить тех, кто не дойдёт. Если меня снова не посадят в денник.

Аэла перевела взгляд с одного на другого.

— А господин Лавров не имеет права практиковать.

— Он может наблюдать как частное лицо, — сказала Кира. — Задавать вопросы закон не запрещает. Решения буду принимать я в границах своей лицензии. При опасности отправим в Палату.

— Вы нашли щель в формулировке.

— Я аптекарь. Мы работаем с малыми количествами.

Михаил посмотрел на ожидающих пациентов. Первая неделя дала ему право, которого не существовало на бумаге: люди и нелюди начали приносить не только болезни, но и правду о них. Однако доверие легко превращалось в самозванство, если принять его за лицензию.

— Никаких тайных назначений, — сказал он. — Никаких

обещаний вылечить. Кира отвечает за вещества. Брам — за содержание и поведение знакомых видов. Я собираю сведения и предлагаю версии. Экстренные случаи — в Палату, даже если нас оттуда выставили. Каждый отказ и каждый плохой исход записываем.

— И очередь, — сказала саламандра с площади. — Иначе высокородные опять войдут первыми.

Тирр усмехнулся.

— На складе двое ворот.

— Вход будет один, — ответил Михаил. — Порядок — по срочности, не по титулу и не по размеру кошель.

На лице Аэлы появилось выражение человека, который уже видел будущую катастрофу во всех подробностях.

— Если откроетесь ночью, Палата закроет вас утром.

— Тогда до утра успеем наладить записи.

Она развернулась к зданию, прошла три ступени и остановилась.

— В старом складе нет безопасного отвода жара. Драконов с дыхательным срывом туда не принимать. И поставьте у западной стены две чаши с остывшей жилой — не для лечения, для перевозки в Палату.

— Это служебное распоряжение? — спросил Михаил.

— Это наблюдение о недвижимости.

Она ушла, не оглянувшись.

К вечеру на дверях старой почты появилась доска. Кира написала на ней: «Ночная приёмная. Осмотр и запись наблю-

дений». Брам ниже добавил крупнее: «Сначала тяжёлые». Тирр провёл углём черту для очереди.

Михаил дописал последнюю строку:

«Если не знаем — так и скажем».

Семь дней закончились. Практика только начиналась.

Глава 7. Ночная приёмная

К сумеркам старая почта перестала казаться пустой.

Она стала казаться маленькой.

Под навесом, где когда-то меняли упряжь гонцам, ждали двенадцать существ, и ни одно не помещалось в человеческое слово «посетитель». Саламандра сидела в медном тазу, чтобы не подпалить доски. Два мостовых ящера спорили, кто из них занял место раньше, хотя один пришёл как сопровождающий. На балке висел молодой гарпий с перевязанной лапой. У ворот переступала с копыта на копыто кобылица, а из складок её попоны то и дело выглядывала вторая, слишком умная голова.

Кира стояла за бывшим сортировочным столом и переписывала имена в журнал.

— Я говорила: шесть, — сказала она Михаилу, не поднимая головы.

— Ты говорила: одновременно.

— Я ошиблась в предлоге.

Из глубины склада донёсся удар. Брам ругнулся, Тирр ответил ему металлическим кашлем, и они вдвоём выволокли к воротам остатки почтовой стойки. Михаил пометил мелом ещё одну опасную щепу на полу. За последние два часа он нашёл семнадцать. В здании, где предстояло принимать крылатых, всё стремилось либо проткнуть крыло, либо заго-

реться.

Тирр расправил план на ящике.

— Передний зал — ожидание. За перегородкой — осмотр. Западный выход оставляем свободным. Во дворе Эдд поставил тележку.

— А если привезут тяжёлого? — спросил Брам.

— Тогда не сюда, — сказал Михаил. — Дыхательный срыв, потеря сознания, неконтролируемое пламя, сильное кровотечение — сразу в Палату.

— Они нас туда не пустят, — отозвалась саламандра из таза.

— Пациента пустят.

— А вас?

— Я останусь у двери и передам запись.

Саламандра хмыкнула. В трещинах её кожи засветился янтарь.

На доске у входа Кира вывела четыре строки: «дышит», «в сознании», «кровь», «может ждать». Брам прочитал и нахмурился.

— Если на всё ответить «да», это хорошо или плохо?

— Поэтому это не анкета, — сказал Михаил. — Это порядок вопросов. Сначала смотрим, может ли ждать. Не определяем болезнь у ворот. Определяем опасность промедления.

— А потом кто первый?

— Тот, кому ожидание повредит сильнее.

— Даже если пришёл последним?

— Особенно если пришёл последним.

Спор мостовых ящеров прекратился. Оба посмотрели на Михаила с одинаковым неодобрением.

Первой Брам подвёл к столу кобылицу. Вторая голова оказалась детёнышем василиска, которого она несла в подвесной люльке. Он дышал часто, но ровно, следил глазами за пальцем и сердито щёлкал клювом, когда Кира не позволила ему укунить чернильницу. Рана на гребне была поверхностной. Михаил задал вопросы, Брам записал поведение, а Кира промыла порез разрешённым раствором.

— Вы не лечите? — спросила кобылица.

— Решение принимает Кира, — ответил Михаил.

— А вы тогда кто?

Он посмотрел на пустую графу в журнале. В Палате должность была важнее действия. Здесь действие пришлось уместить в честную формулировку.

— Тот, кто помогает не пропустить опасное и не притворяется, что знает неизвестное.

— Длинно.

— На вывеску не поместится.

Детёныш всё-таки дотянулся до пера и утащил его. Это стало первым хорошим признаком ночи.

Гарпий с перевязанной лапой ждал дольше. Он мог опереться на вторую ногу, рана не кровила, пальцы оставались тёплыми. Зато саламандра, которая громче всех требовала соблюдать очередь, неожиданно замолчала. Свет в трещинах

её кожи побледнел, плечи опустились.

Михаил присел на расстоянии вытянутой руки.

— Как вас зовут?

— Мара.

— Мара, вы меня слышите?

— Я не оглохла. Я устала.

— Сильнее, чем час назад?

Она попыталась отмахнуться и не подняла кисть выше борта таза. Михаил посмотрел на Киру.

— Вперёд, — сказала та.

— Я была четвёртой, — возразила Мара.

— Теперь первая, — сказал Брам и неожиданно мягко поднял таз за ручки.

Трещины на коже у саламандр считались обычными, но у Мары серый налёт лежал не только по краям старых ожогов. Он забивал тонкие щели у шеи, где свет должен был пульсировать в такт дыханию. Михаил не стал спрашивать, что это означает. Сначала попросил назвать день, место и имя сопровождающего. Ответы были точными, только между словами Мара делала всё более длинные паузы.

— Палата, — сказал он.

— Они снова будут выжигать налёт.

— Мы передадим, что три выжигания давали краткое улучшение и ухудшение через неделю. Кира приложит записи. Но здесь нет отвода жара и средств на случай срыва.

Мара схватила его за рукав. Ладонь оказалась почти хо-

лодной.

— Не отдавайте им меня без слов.

— Не отдадим.

Он сел рядом, пока Кира на отдельном листе записывала прежние процедуры, сроки возвращения налёта и сегодняшнюю слабость. Эдд подогнал тележку к западной двери. На ней стояли две чаши с остывшей жилой — те самые, о которых как бы между прочим сказала Аэла.

— Я поеду, — сказал Тирр.

— Тебя отстранили от маршрутов.

— Это не почта. Это наблюдение о колёсах.

Мара усмехнулась и позволила перенести себя. Смех вернул трещинам немного света, но Михаил не позволил себе принять это за улучшение.

Когда тележка уехала, очередь стала тише. Люди и существа увидели главное правило приёмной в действии: место можно потерять не из-за титула, а из-за чужой беды. И почему-то это вызывало меньше злости, чем Михаил ожидал.

До появления золотого дракона.

Сначала в ворота вошли двое слуг в серо-красных плащах. Один нёс складное медное ограждение, второй — свиток с печатью. За ними показалась узкая золотая морда. Дракон шёл в малой форме, размером с крупного быка, но заставлял остальных отодвигаться одним ожиданием, что они это сделают. Каждая чешуя была отполирована, на передних рогах висели кольца рода. За его левым плечом двигался юноша

лет шестнадцать — бледный, тонкий, с теми же золотыми глазами.

Слуга раскрыл ограждение прямо перед столом Киры.

— Господин Сайр Альвен, хранитель второго пламени дома Альвенов, прибыл для немедленного частного осмотра.

— Уберите решётку, — сказал Брам. — Здесь гарпий на одной ноге.

— Гарпий подождёт.

— Гарпий уже ждёт, — заметил Михаил.

Золотой дракон остановился перед ним. От его дыхания пахло нагретыми монетами.

— Вы чужеземец Лавров?

— Михаил Лавров.

— Мне безразлично имя. Мне сообщили, что вы различаете то, чего не видит Палата.

— Иногда я замечаю полезное. Что случилось?

Сайр слегка повернул голову к юноше.

— Моему наследнику нездоровится. Вы осмотрите его сейчас. Остальные получают возмещение.

Слуга положил на стол кошель. Он звякнул так тяжело, что чернильница подпрыгнула.

Кира не прикоснулась к деньгам.

— Он в сознании? — спросил Михаил.

Юноша открыл рот, но Сайр ответил первым:

— Разумеется.

— Дышит свободно?

— Он стоит перед вами.

— Были обморок, судороги, кровь, внезапная потеря огня?

Золотая перепонка на глазах Сайра на миг закрылась.

— Вы будете задавать вопросы мне в проходе?

— Сначала ему.

Михаил обратился к юноше:

— Как вас зовут?

— Эрин, — тихо сказал тот.

— Эрин, вам трудно дышать сейчас?

Юноша покачал головой.

— Можете пройти до лавки без помощи?

Он сделал два шага. Движения были осторожными, но ровными. Михаил заметил тёмную кайму у основания ногтей и крошечное пятно на манжете — будто ткань коснулась медной пыли. Эрин поймал его взгляд и спрятал руку.

— Боль усиливается? — спросил Михаил.

— Не боль. Огонь стал...

— Довольно, — оборвал Сайр. — Это семейное состояние. Подробности не для улицы.

— Тогда подробности можно записать за перегородкой, когда подойдёт очередь. По первым признакам Эрин может ждать. Гарпий — следующий.

В помещении стало так тихо, что было слышно, как коготь василиска скребёт по люльке.

Сайр опустил голову. Теперь золотая морда находилась на

уровне лица Михаила.

— Вы не поняли. Дом Альвенов оплачивает северную лечебную башню. Мой сын не стоит в очередях вместе с уличными тварями.

Гарпий расправил крылья. Брам положил ладонь ему на плечо прежде, чем тот сорвался с балки.

— Здесь нет тварей, — сказал Михаил. — Здесь есть пациенты.

— У вас нет права называть кого-либо пациентом.

Удар был точным. Михаил почувствовал, как все взгляды повернулись к нему. Можно было отступить в слова: он лишь собирал сведения, Кира лишь исполняла лицензию, приёмная лишь записывала наблюдения. Каждая формулировка была правдой и одновременно ширмой.

— Моё право здесь ограничено, — сказал он. — Поэтому я не стану обещать вашему сыну лечение. Но порядок ожидания определяется риском. Если состояние станет опасным, Эрин пройдёт первым. Если нет — дождётся своей очереди.

Слуга развязал кошель.

— Десять золотых за отдельную комнату.

— Комната у нас одна, — сказала Кира. — И сейчас в ней хромой гарпий.

— Двадцать.

— От большего числа монет вторая комната не вырастет. Сайр не посмотрел на неё.

— Лавров, в вашем мире лекари тоже предпочитают ни-

щих тем, кто содержит их ремесло?

— В моём мире срочность тоже иногда проигрывает деньгам. Это не делает правило хорошим.

— Значит, вы принесли сюда не знание, а чужую политику.

— Я принёс вопрос: кому ожидание опаснее. Ответ одинаков для богатого и бедного.

Эрин тронул отца за край крыла.

— Я могу подождать.

Сайр резко обернулся. В его взгляде было не только раздражение. Страх мелькнул раньше, чем золотая перепонка закрыла глаза.

— Ты не знаешь, что можешь.

— Тогда позвольте ему рассказать, что он чувствует, — сказал Михаил.

— Наследник рода не обсуждает угасание с чужеземцем на складе.

Слово осталось в воздухе: угасание.

Кира едва заметно потянулась к журналу, но Сайр накрыл страницу когтистой ладонью.

— Ничего не записывать.

— Без записи мы не работаем, — сказала она.

— Вы не работаете вовсе. К утру это место опечатают.

Он развернулся так резко, что хвост снёс меловую черту очереди. Слуги сложили ограждение. Эрин задержался на один вдох.

— Когда началось? — успел спросить Михаил.

Юноша посмотрел на отца, потом на свою манжету.

— После малого венца.

Сайр ударил хвостом по створке ворот.

— Эрин.

Наследник ушёл. На досках осталась россыпь красноватой стружки. Михаил поднял одну крупинку листом бумаги, не касаясь пальцами. Она была тяжёлой для своего размера и отливала не чистой медью, а тёмным багрянцем.

— Церемониальный металл? — спросила Кира.

— Версия, — ответил Михаил. — Пока только версия.

— «Малый венец» бывает за девять дней до принятия второго пламени, — сказал Тирр от ворот. Он вернулся без тележки, запыхавшийся, но довольный. — Наследник носит родовой обруч и впервые поддерживает огонь в зале предков.

— Мара?

— Приняли. Аэла прочитала запись до конца и заставила вписать три прежних возврата налёта. Потом велела мне исчезнуть раньше, чем увидит Дорн.

Михаил показал ему стружку.

— Это могло попасть с украшения?

Тирр прищурился.

— Похоже на красное золото Альвенов. Его нельзя носить чужим родам. И спрашивать о составе тоже нельзя, если дорожишь кожей.

— Хорошая ночь для правил, — сказал Брам. — Мы ещё гарпия не осмотрели.

Гарпия звали Лем. Под повязкой обнаружилась не рана, а туго затянутая шёлковая нить. Она перетягивала основание пальца, и тот уже начал холодеть. Лем признался, что сам перевязал лапу по совету соседа, чтобы «не дать ушибу подняться к сердцу». Кира разрешила нить. Через несколько минут цвет начал возвращаться.

— Если бы золотой прошёл первым, сколько бы я ждал? — спросил Лем.

— Дольше, — ответил Михаил.

— А что бы стало?

Михаил не стал придумывать точность.

— Риск повреждения рос бы. Насколько — не знаю.

Лем кивнул, будто именно это «не знаю» и было платой за ожидание.

Следующие часы приёмная училась собственному устройству. Брам поставил у ворот скамью и повторял четыре вопроса каждому прибывшему, но перестал оценивать ответы один: если сомневался, звал Киру или Михаила. Кира завела отдельную страницу отказов и переводов в Палату. Тирр пронумеровал меловые жетоны и сделал два красных — не для знати, а для тех, кого нельзя оставлять без наблюдения. Эдд возил пациентов и возвращался с короткими записками о том, кого приняли и что изменилось в пути.

Не всё складывалось красиво. Один оборотень ушёл, ко-

гда Кира отказалась выдать средство без осмотра в выбранной форме. Мать василиска трижды пыталась заплатить вперёд, боясь, что бесплатная помощь окажется хуже. Мостовой ящер обиделся, что его старая хромота оказалась менее срочной, чем перетянутая лапа гарпия. Михаил записал каждый уход и каждую жалобу. Хорошее правило не становилось честным, если сохранять только тех, кто с ним согласился.

Перед рассветом очередь иссякла. В журнале было семнадцать имён: девять осмотров, четыре совета по наблюдению в пределах лицензии Киры, два перевода в Палату, один отказ и один ушедший до осмотра. Ни одного обещания вылечить. Ни одной платы за место.

Кира пересчитала деньги в жестяной кружке. Их хватало на масло для ламп и половину новой задвижки.

— Двадцать золотыхгодились бы, — сказала она.

— Да.

— Я рада, что мы их не взяли.

— Я тоже.

— Это тревожный признак. Обычно ты споришь дольше.

Михаил сидел на ступеньке у ворот и смотрел на красноватую крупинку в бумажном сгибе. Отказ Сайру был правильным по правилу и, возможно, опасным для Эрина. Эти вещи не отменяли друг друга.

Тирр повесил рядом с доской очереди второй лист: «Плата не меняет срочность». Ниже оставил место для возражений.

— Думаешь, опечатают? — спросил Брам.

— Сайр не бросает слов, — ответил Тирр. — Он содержит башню Палаты, три зерновых двора и половину караульных печей. Варгет его выслушает.

— Значит, завтра у нас будет социальный визит, — сказал Михаил.

Со стороны улицы донёсся стук колёс. Эдд вернулся слишком быстро и без обычного облачка пара. В тележке никого не было. Он протянул Михаилу узкую золотую пластину с гербом Альвенов.

— Это оставили у ворот Палаты. Для тебя.

На обороте пластинки торопливой рукой было процарапано:

«Эрин Альвен. Огонь погас. Отец требует сохранить имя рода. Приходите до восхода — или не приходите никогда».

Михаил перечитал запись и поднялся.

— Кира, журнал и бумагу для проб. Брам, остаёшься здесь. Тирр, покажешь дорогу.

— У тебя нет разрешения, — напомнила Кира.

— Поэтому первым делом мы поговорим с Эрином. Если он не согласится — уйдём.

Он спрятал образец стружки в чистый конверт. За крышами Астэра светлело небо, а под мостовой глухо отзывались жар-жилы.

Первая ночь приёмной закончилась вызовом, который мог её уничтожить.

Глава 8. Высокая кровь

Дом Альвенов стоял на внутреннем склоне кальдеры, там, где улицы уже не поднимались, а карабкались между подпорными стенами. Пока Михаил, Кира и Тирр шли наверх, ночь успела посереть. Над крышами проступил край рассвета, но фонари у золотых ворот горели так ярко, будто хозяева могли не пустить утро без приглашения.

Тирр остановился за два дома до гербовой арки.

— Дальше меня узнают.

— Тебя весь город узнаёт, — сказала Кира. — Ты орал о дешёвой каше на площади.

— До этого я был известен полётами.

— Удобная версия.

Он не улыбнулся. Сложил крылья плотнее и посмотрел на золотую пластину в руке Михаила.

— У Альвенов два входа для тех, кого позвали, и один для тех, кого потом отрицают. Платину оставили у Палаты, не у дома. Значит, внутри не все знают о вызове.

— Кто мог её написать?

— Эрин. Его наставница. Слуга. Кто-нибудь из малого круга. Но Сайр не царапает просьбы на обороте герба.

Кира поправила ремень сумки. В ней лежали журнал, чистые листы, стеклянные трубки, три маленькие чаши и свёрток с образцом стружки из приёмной. Никаких настоек она

не взяла.

— Повторим, — сказала она. — Мы не обещаем лечение. Я ничего не даю без понятного основания. Ты ничего не назначаешь вообще.

— А Тирр ничего не крадёт, — добавил Михаил.

— Почему отдельное правило для меня?

— Потому что ты уже смотришь на стену как на задачу.

Тирр действительно изучал выступы кладки.

— Главные ворота быстрее.

Они подошли к арке. В золотой створке не было щели для стука; вместо неё на камне висел медный диск. Михаил ударил по нему пластиной. Звук ушёл в дом густо, без эха.

Открыл тот самый слуга, который ночью раскладывал перед приёмной переносную решётку. Сейчас плащ на нём был застёгнут криво, а лицо блестело от пота.

— Вы опоздали.

— До восхода ещё есть время, — сказал Михаил.

— Не для огня.

Слуга посторонился, заметил Тирра и снова загородил проход.

— Гонец остаётся снаружи.

— Он знает обряд и может объяснить то, чего не знаем мы.

— Он медный.

— Это цвет или противопоказание?

Слуга растерялся ровно настолько, чтобы Кира прошла

мимо него. Тирр последовал за ней с выражением существа, которое только что получило официальный ответ на вопрос о стене.

Внутренний двор был рассчитан на большие формы. Вдоль колонн тянулись каменные желоба, но воды в них не было — текло ровное синее пламя. Золотые изображения предков поддерживали свод раскрытыми крыльями. У каждого в пасти лежал красный обруч.

Михаил замедлил шаг.

— Малые венцы?

Тирр покачал головой.

— Большие. Малый после обряда переплавляют.

— Всегда?

— Если наследник принят огнём.

Слуга обернулся.

— В этом доме не обсуждают обряд с посторонними.

— В этом доме нас вызвали из-за состояния после обряда,
— сказала Кира. — Выбирайте, какое правило вам дороже.

Их провели не в парадный зал, а вниз, к помещениям под восточным крылом. Чем глубже они спускались, тем жарче становился камень. Михаил ожидал лечебной комнаты, но увидел зал с голыми стенами и круглой ямой посередине. Над ней висели цепи с бронзовыми чашами. В чашах тлели угли, хотя тепла вокруг и без них хватало.

Эрин лежал на низком каменном помосте в человеческой форме. Рубашку с него сняли; на груди и животе золотилась

мелкая чешуя, слишком тусклая по сравнению с лицом. Рядом стояла пожилая женщина в сером, прижимая к губам мокрую ткань. Сайр занимал почти половину зала. В большой форме он был тяжелее и страшнее, чем ночью, но страх в его глазах тоже стал заметнее.

— Вы пришли, — сказал он так, словно предъявлял обвинение.

— Нас вызвали.

— Я не вызывал.

— Тогда сначала выясним, кто вызвал и согласен ли Эрин с нашим присутствием.

Сайр шагнул к Михаилу. Когти царапнули камень.

— Его огонь погас. Вы будете выяснять после.

— Нет. Сейчас.

Женщина в сером поднялась.

— Пластину послала я. Меня зовут Нэвра, я наставница малого круга. Эрин просил привести чужеземца, когда смог говорить.

— Он наследник, — сказал Сайр. — За него отвечает дом.

— Он в сознании? — спросил Михаил.

— Иногда.

— Тогда пока отвечает он.

Сайр раскрыл пасть. В глубине не вспыхнуло пламя, только сухо щёлкнули пластины дыхательной железы.

— Вы явились в мой дом без права практики и объясняете мне право крови?

— Я объясняю, что не стану трогать человека, который сказал «нет». Даже если вы закроете приёмную раньше, чем мы вернёмся.

Это было не храбростью. Михаил просто не видел пути начать осмотр иначе. Страх Сайра требовал немедленного действия, но страх почти всегда требовал именно того действия, которое привычнее хозяину страха.

Кира подошла к помосту, не касаясь Эрина.

— Эрин Альвен, вы меня слышите?

Юноша открыл глаза. Золотая перепонка дрогнула и не смогла полностью уйти под веко.

— Слышу.

— Вы просили нас позвать?

— Да.

— Вы согласны, чтобы мы задавали вопросы, осмотрели вас и записали наблюдения? Михаил не имеет права лечить. Решения в пределах моей лицензии принимаю я. От любого действия можно отказаться.

Эрин перевёл взгляд на отца.

— Записи останутся здесь?

— Нет, — ответил Сайр.

Кира даже не повернула головы.

— Один экземпляр должен остаться у нас. Иначе мы не сможем сравнивать изменения и отвечать за свои слова. Мы можем не указывать имя в рабочем сравнении, но исходная запись будет полной.

— Тогда весь город узнает, что Альвен погас перед вторым пламенем, — произнёс Сайр.

— Весь город узнает это, если он умрёт во время обряда, — тихо сказала Нэвра.

Эрин закрыл глаза. Михаил ждал. Вопрос нельзя было задавать так, чтобы молчание стало согласием.

— Эрин?

— Записывайте, — сказал юноша. — С именем. Если я снова потеряю сознание, продолжайте осмотр. Но не меняйте форму без моего согласия, пока я могу отвечать.

Кира повторила его условия вслух и внесла в журнал. Нэвра поставила под записью знак свидетеля. Сайр остался у помоста, однако отступил на один шаг.

Михаил начал с того, что можно было увидеть и услышать. Эрин дышал часто, но без свиста. На вопросы отвечал правильно, хотя между фразами отдыхал. Кожа была горячей на лбу и прохладной на пальцах. Тёмная кайма, замеченная у ногтей ночью, стала шире. На дёснах проступила такая же узкая полоса. Чешуйки на груди лежали ровно, без признаков ожога или травмы.

— Что означает «огонь погас» для вас? — спросил Михаил.

Сайр ответил первым:

— Дыхательная железа не рождает пламя.

— Я спросил Эрина.

— Будто вдох есть, — сказал юноша, — а за ним пусто.

Обычно здесь собирается жар.

Он коснулся пальцами середины груди.

— Сейчас больно?

— Нет. Тяжело. И всё имеет вкус монеты.

— Когда появился вкус?

— После венца. Сначала только утром.

— Что ещё изменилось?

Эрин нахмурился.

— Я стал медленнее. Нэвра говорила, что это от первого удержания огня.

— Я говорила, что усталость после удержания обычна, — поправила наставница. — Но не такая.

— Тошнота, боль в животе, головная боль?

— После еды мутило. Вчера болело здесь.

Он показал под рёбрами справа. Сайр дёрнул хвостом.

— У золотых жар после венца уходит в печень. Так сказано в Табели.

— Может быть. Но «жар уходит в печень» — объяснение. Мне пока нужны признаки. Когда он последний раз ел? Что? Когда мочился? Менялся ли цвет? Были ли судороги, спутанность, рвота?

С каждым вопросом лицо Сайра становилось жёстче, зато Нэвра отвечала всё точнее. Эрин почти не ел со вчерашнего полудня. Дважды его вырвало после сладкого минерального отвара. Моча потемнела. Ночью он попытался перейти в малую драконью форму для обычного упражнения, но не

смог удержать её и вернулся в человеческую. После этого на несколько минут перестал узнавать наставницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.